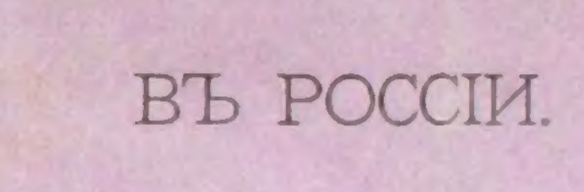
ЧТО ТАКОЕ БУМАЖНЫЯ ДЕНЬГИ

и

МЫСЛИМЪ ЛИ ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИСЪ ВЪ РОССІИ.

В. А. Бѣлинскаго.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія М. Зильберберга, Рыбная ул., д. № 7-й.
1877.

ЧТО ТАКОЕ
БУМАЖНЫЯ ДЕНЬГИ
и
МЫСЛИМЪ ЛИ ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИСЪ
ВЪ РОССІИ.

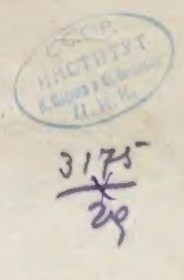
В. А. Бѣлинскаго.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія М. Зильберберга, Рыбная ул., д. № 7-й.
1877.

Дозволено цензурою. Москва. 31 Ноября 1876 года.

ЧТО ТАКОЕ
БУМАЖНЫЯ ДЕНЬГИ,
И МЫСЛИМЪ ЛИ ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИСЪ
въ Россіи.

Деньги все, а потому и для денегъ все,— вотъ девизъ современнаго человѣка, сегодня возвышающій его на самую вершину земнаго величія, а завтра, какъ показало дѣло Струсберга и компаніи, низвергающій его въ самую преисподнюю. Отсюда понятно, почему современный человѣкъ, при первомъ тревожномъ извѣстіи, угрожающемъ его отечеству чрезвычайными расходами, тотчасъ же начинаетъ егозить и бить тревогу. Внутренній и внѣшній биржевой курсъ, этотъ яко-бы жизненный пульсъ нашего времени, особенно сильно начинаетъ дрожать и учащаться, когда, что называется, запахнетъ въ воздухѣ порохомъ. Но точно ли въ самомъ дѣлѣ и въ такой сильной степени дѣла государственной важности и мировые вопросы зависятъ въ своемъ разрѣшеніи отъ того, какъ бьется пульсъ на биржѣ? ужели и въ отношеніи государства, какъ въ отношеніи частнаго лица, пригоденъ выставленный нами выше девизъ, избранный себѣ современнымъ человѣкомъ для его домашняго обихода? Мы думаемъ и желаемъ это доказать, что государственныя дѣла и мировые вопросы, выдвигнутые въ настоящее время исторіей на первый планъ, сами по себѣ, а биржевой курсъ, паденіе или повышеніе цѣнъ на разные денежные знаки и обязательства — само по себѣ, и что зависимости первыхъ изъ нихъ отъ судьбы послѣднихъ нѣтъ или по крайней мѣрѣ быть

не должно; короче говоря, мы утверждаемъ, что *были бы мы, да было бы у насъ что покупать и продавать, а деньги у насъ всегда будутъ.*

Въ числѣ другихъ изобрѣтеній цивилизаціи, занесенныхъ къ намъ съ запада, мы имѣемъ у себя биржевые курсы и биржевую игру, т. е. торговлю денежными знаками какъ товаромъ. Въ обыкновенное, мирное время торговля эта весьма прибыльное занятіе уже по одному тому, что деньги со стороны правительства не признаются товаромъ и потому свободны отъ пошлинъ и прямыхъ налоговъ. Владѣлецъ земли несетъ, помимо всякаго рода платежей и повинностей, убытки отъ неурожаевъ, отъ возвышенія платы рабочимъ, отъ недостатка сбыта своимъ продуктамъ; домовладѣлецъ несетъ, вмѣстѣ съ платежами и повинностями, убытки отъ пониженія цѣнъ на квартиры, отъ прихода въ ветхость построекъ и т. под. Только владѣлецъ денежныхъ капиталовъ не знаетъ ни налоговъ, ни повинностей, ни даже убытковъ, ежели не положилъ своихъ денегъ въ вѣчной памяти московскій ссудный коммерческій банкъ. Но вотъ все заговорило о войнѣ,— и владѣлецъ денежныхъ капиталовъ вдругъ почувствовалъ, что и для него настаетъ черный день, капиталъ его упалъ въ цѣнѣ,— такъ гласитъ по крайней мѣрѣ биржевой биллютень. Казалось, должно было бы быть наоборотъ: ежели подлинно деньги *все*,— то съ предстоящимъ въ государствѣ увеличеніемъ расходовъ, долженъ вѣдь увеличиться и спросъ на деньги. Но денежный капиталистъ спросу этому не радуется,— онъ чувствуетъ, что ему за все придется платить дороже: за хлѣбъ, который онъ ѣстъ, за сукно, которое онъ употребляетъ для своего платья, за лошадь, на которой онъ привыкъ ѣздить,— такъ какъ на всѣ эти и подобные имъ предметы спросъ увеличился, а новое количество денежныхъ знаковъ не сегодня завтра пущено будетъ обязательно въ обращеніе. Оказывается на повѣрку, что какъ будто и не въ деньгахъ вся сила и счастье,— оказывается, что въ исторической жизни народовъ время отъ времени выступаютъ на первый планъ и такіе моменты, гдѣ не только люди сами, но даже употребляемые ими: въ пищу—кусокъ хлѣба, для ѣзды—лошадь, для борьбы съ врагомъ—мечъ и порохъ становятся повидимому дороже денегъ, которыя, какъ бы сконфуженныя въ своемъ еще недавнемъ величіи, теряютъ свою спѣсь и на время какъ бы замолкаютъ и преклоняются предъ гордымъ величіемъ иной силы — живой силы человѣка, его благородныхъ порывовъ и высокихъ стремленій.

Что же такое *деньги*, составляющія повидимому цѣль всѣхъ человѣческихъ стремленій, альфу и омегу нашего бытія? Казалось-бы, каждый легко можетъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, такъ какъ нѣтъ человѣка, который не чувствовалъ бы надъ собой давленіе денегъ, не видѣлъ бы ихъ и не имѣлъ бы съ ними дѣла.— На самомъ же дѣлѣ нѣтъ такого трактата по политической экономіи, который бы не подвергалъ теоретическому обсужденію значенія денегъ въ государственномъ и общественномъ быту людей — какъ такой вопросъ, по которому эта наука еще не сказала своего послѣдняго слова. Но вопросъ этотъ составляетъ въ тоже время предметъ изслѣдованія и государственнаго финансоваго права. Въ послѣднее время нѣкоторые ученые, и въ числѣ ихъ профессоръ, бывшій Харьковскаго а нынѣ Одесскаго университета Цитовичъ, подвергнули обсужденію значеніе денегъ даже съ точки зрѣнія гражданскаго права. Такимъ образомъ три самостоятельныя науки относятъ каждая къ своей области деньги, какъ предметъ изученія. Но это показываетъ только, что ни одна изъ нихъ пока не доказала своего исключительнаго права на этотъ предметъ. Неудивительно послѣ этого разногласіе и разнообразіе мнѣній, существующее въ названныхъ нами наукахъ по вопросу о томъ, что такое деньги.

Что касается политической экономіи — науки, наиболѣе работавшей надъ разрѣшеніемъ этого вопроса, съ цѣлію опредѣлить начала, лежащія въ основаніи денежнаго обращенія и самой природы денегъ,— то въ этомъ отношеніи политической экономіей выяснено окончательно и въ настоящее время признается за аксіому, что деньги суть *орудія мѣны* или покупательная сила, какъ еще иначе ихъ называютъ. Сами по себѣ деньги, какъ извѣстно по опыту каждому, не служатъ къ удовлетворенію никакихъ человѣческихъ потребностей, за исключеніемъ развѣ потребности чувства изящнаго, которому, напримѣръ, въ значительной степени и удовлетворяютъ наши сторублевые кредитные билеты съ своимъ

прекраснымъ портретомъ Императрицы Екатерины II, англійскіе золотые фунты стерлинговъ и многіе другіе денежные знаки и монеты. Деньги нельзя ни выпить, ни съѣсть, ни надѣть на себя для защиты отъ зноя либо холода,— но за нихъ можно имѣть и пищу, и питье, и одежду. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ наукѣ нужно бываетъ выяснить какое либо явленіе, обыкновенно обращаются къ источнику его, къ началу этого явленія. Тоже самое сдѣлано учеными и по отношенію къ такому обыденному явленію, какъ обращеніе между людьми денегъ. Историческія изслѣдованія и наблюденія надъ современнымъ экономическимъ бытомъ въ разныхъ государствахъ и у разныхъ народовъ показываютъ, что первоначально, находясь на нисшей ступени своего развитія, люди обходились безъ денегъ, и въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ знали только простой *обмѣнъ* вещи на вещь. Такая исключительно мѣновая торговля и до настоящаго времени производится у многихъ полудикихъ народовъ Африки, Америки, Азіи и Австраліи, не только между собою но и съ европейцами. Въ Россіи, до позднѣйшаго времени, торговля съ Китаемъ почти исключительно мѣновая: такъ, чай, напримѣръ, мы получаемъ въ обмѣнъ на наши мануфактурные товары безъ всякаго посредства денегъ. Торговля съ киргизами и коканцами также была до позднѣйшаго времени только мѣновою. Наконецъ и внутри европейской Россіи, въ нашемъ крестьянскомъ быту, далеко еще не всѣ виды мѣновой торговли, въ самой первобытной ея формѣ, окончательно исчезли. Изъ историческихъ народовъ, по преданію, финикіяне, эти англичане своего времени (первой половины послѣдняго тысячелѣтія до Р. Х.) первые ввели въ употребленіе, при своей обширной внѣшней и колоніальной торговлѣ, *деньги*, какъ посредствующее орудіе обмѣна цѣнностей,— именно, первые начали сбывать и пріобрѣтать товары не непремѣнно за товары а также и за опредѣленное количество золота и серебра. Цивилизованные народы того времени: карфагеняне, греки и римляне не могли не воспользоваться очевидными удобствами этого изобрѣтенія, усовершенствовали его введеніемъ въ употребленіе золотыхъ и серебряныхъ *монетъ* — въ томъ смыслѣ и значеніи, въ какомъ онѣ донынѣ употребляются и передали его отъ себя въ наслѣдство, въ числѣ другихъ своихъ

изобрѣтеній, новымъ народамъ, выступившимъ на театръ исторіи въ началѣ среднихъ вѣковъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что введеніе опытными финикіянами въ употребленіе золота и серебра, какъ мѣрила цѣнностей и орудія обмѣна ихъ, произошло чисто случайно, вслѣдствіе подмѣченной ими у тѣхъ народовъ, съ которыми приходилось имъ имѣть торговыя дѣла, особенной любви и расположенія ихъ къ этимъ, не даромъ называемымъ благородными, металламъ. Случись финикіянамъ войти въ торговыя сношенія съ обитателями напримѣръ внутренней Африки, между которыми есть племена, какъ свидѣтельствуютъ позднѣйшіе путешественники, непризнающіе за золотомъ и серебромъ ровно никакихъ достоинствъ,—тогда финикіяне, по всей вѣроятности, прибѣгли бы къ тому же орудію мѣны, къ какому прибѣгаютъ въ настоящее время европейцы и сѣверо-американцы въ своихъ торговыхъ сношеніяхъ съ полудикими племенами, именно: вмѣсто золота и серебра избрали бы орудіемъ мѣны бусы, стеклярусы, матеріи яркихъ цвѣтовъ и т. под. По удостовѣренію путешественниковъ, не запасшись этими дрогоцѣностями, нельзя пускаться во внутренность Африки, равно какъ и въ нѣкоторыя мѣстности Америки и Австраліи; въ противномъ случаѣ вы рискуте умереть съ голоду, хотя бы имѣли при себѣ цѣлые мѣшки золота и серебра. Изъ исторіи финикійской торговли извѣстенъ также фактъ, что и между нѣкоторыми европейскими племенами того времени янтарь, напримѣръ, который въ настоящее время мы безцеремонно употребляемъ на мундштуки, цѣнился выше золота. Мы считаемъ себя вправѣ по этому заключить, что золото и серебро не суть такія мѣрила цѣнности, которыя во всѣ времена и у всѣхъ народовъ земнаго шара имѣли бы одинаково это значеніе. Недавно еще въ газетахъ было заявлено объ уменьшеніи спроса на серебро въ Египтѣ, и о повсемѣстномъ вслѣдствіе сего пониженіи въ западной Европѣ курса на него. Объ Индіи уже давно извѣстно, что тамъ съ каждымъ годомъ серебро все болѣе и болѣе падаетъ въ цѣнѣ, по случаю постепенно уменьшающагося въ массѣ населенія спроса на него. Мы, русскіе, заодно съ прочими европейцами, страстные охотники до серебряныхъ сервизовъ, золотыхъ колецъ, цѣпочекъ, брошъ, и т. под. Но въ то же время каждому извѣстно, что въ этихъ слу-

чаяхъ нами руководитъ не инстинктивное, естественное влеченіе къ золоту и серебру, котораго нельзя, или которое трудно было бы преодолѣть, а простое чувство тщеславія, которое наша христіанская религія предписываетъ намъ даже подавлять въ себѣ. Громадное большинство населенія у насъ, какъ и вездѣ, не имѣетъ у себя дома ни одного золотника золота и серебра — въ вещахъ и издѣліяхъ, и въ тоже время нисколько не чувствуетъ себя, по одной только этой причинѣ, хуже тѣхъ, которые вмѣсто деревянныхъ и мельхіоровыхъ ложекъ ѣдятъ на серебряныхъ, вмѣсто золотыхъ колецъ носятъ томпаковыя, и т. под. Замѣчательно, что въ настоящее время можно встрѣтить въ этомъ отношеніи сходство между самыми высшими и самыми низшими по образованію классами: это доказали между прочимъ примѣры недавнихъ пожертвованій въ пользу славянъ золотыми вещами, владѣльцы которыхъ, принадлежащіе по своему образованію и положенію къ высшему классу, находили унизительнымъ для себя носить подобныя украшенія, когда за нихъ голодающіе отъ турецкаго раззоренія могутъ имѣть кусокъ хлѣба. Наконецъ, даже между русскими монархами Петръ Великій былъ такой государь, который не любилъ золотыхъ украшеній и вещей. Въ средѣ нашей интеллигенціи можно точно также встрѣтить массу лицъ, не любящихъ золотыхъ и серебряныхъ вещей и украшеній, хотя бы они и обладали средствами имѣть ихъ. Съ того времени какъ вошли въ большое употребленіе бронза и мельхіоръ и проникли туда, куда прежде допускалось только золото и серебро, сдѣлалось ясно, что исконная человѣческая любовь къ золоту и серебру пошатнулась въ своемъ основаніи; оказалось, что люди способны довольствоваться вмѣсто золота и серебра однимъ блескомъ ихъ, который современному плавильному и шлифовальному искуству удалось перенести и на такіе неблагородные металлы какъ мѣдь, олово, свинецъ, желѣзо, и т. под. Все это показываетъ, что цѣнность золота и серебра далеко не безусловна а напротивъ того — весьма условна. Уже въ настоящее время привычки и вкусы людей много измѣнились противъ того, какими были во времена финикіянъ, древнихъ грековъ и римлянъ; уже теперь мы питаемъ преимущественную любовь и уваженіе не къ такимъ предметамъ,

которые получаются прекрасными прямо изъ нѣдръ земли, какъ золото и серебро, а къ такимъ, которые выходятъ прекрасными изъ рукъ человѣка, на которые положена печать его ума и искуства. Для насъ, европейцевъ второй половины XIX столѣтія по Р. Х., нисколько неудивительно, что во времена финикіянъ, считавшихъ, какъ извѣстно, своимъ божествомъ солнце и другія свѣтила небесныя, золото признавалось лучшимъ изъ земныхъ благъ, какъ напоминавшее имъ божество ихъ — солнце, и сдѣлалось мѣриломъ всѣхъ прочихъ цѣнностей. Было бы гораздо удивительнѣе, если бы мы, исповѣдующіе христіанскую религію, не знали другаго кумира кромѣ кумира злата, и по истеченіи тысячелѣтій, отдѣляющихъ насъ отъ финикіянъ, стояли бы въ нашихъ привычкахъ и вкусахъ на той же ступени развитія, на которой они стояли. Европа обязана успѣхами своей цивилизаціи не золоту и серебру а желѣзу и уму своихъ обитателей. Если бы въ одинъ прекрасный день исчезло съ лица земли все золото и серебро, до послѣдняго золотника, люди не потеряли бы отъ этого ни одного волоска на своей головѣ,— ходъ цивилизаціи въ своемъ поступательномъ движеніи не замедлился бы чрезъ это ни на одинъ шагъ; погоревали бы только развѣ однѣ барыни, замѣтивъ отсутствіе на своихъ рукахъ, шеѣ и ушахъ обычныхъ золотыхъ украшеній,— да и тѣ по всей вѣроятности скоро успокоились бы, какъ скоро узнали, что такая же участь постигла и ихъ сосѣдокъ и что въ моду вошли, вмѣсто золотыхъ и серебряныхъ украшеній, напримѣръ рѣзныя изъ дерева.... Совсѣмъ иное дѣло было бы отъ исчезновенія съ лица земли желѣза, безъ котораго современный человѣкъ оставался бы какъ безъ рукъ. Новѣйшая исторія не можетъ забыть и не должна упускать изъ виду примѣра, случившагося въ Испаніи въ прошломъ столѣтіи и состоящаго въ томъ, что Испанія, послѣ ввоза къ ней изъ новооткрытыхъ американскихъ колоній огромной массы золота, скоро потомъ лишилась его вновь и почувствовала себя много бѣднѣе того, чѣмъ какою была до ввоза къ ней золота. Если не тоже самое, то нѣчто подобное тому совершается на глазахъ современниковъ въ Германіи, богатство и производительность которой стали уменьшаться послѣ взятія ею съ Франціи золотомъ пяти мильярдовъ контрибуціи. Факты эти наглядно убѣж-

даютъ насъ въ томъ, что въ наше время истинное богатство народовъ заключается не въ большемъ или меньшемъ количествѣ золота и серебра, какимъ они обладаютъ, а въ чемъ-то другомъ, напоминающемъ собою желѣзо....

Золото и серебро, разсматриваемыя какъ вещь, какъ товаръ, постоянно шли, за весьма лишь немногими исключеніями, на удовлетвореніе чувства человѣческаго тщеславія, и долгое время были достояніемъ однихъ лишь высшихъ, аристократическихъ классовъ, и только въ позднѣйшее время, благодаря, съ одной стороны, громадному развитію успѣховъ торговли, обогатившей классы, занимавшіеся ею, а съ другой—постоянному увеличенію количества золота и серебра, ежегодно добываемаго изъ рудниковъ, издѣлія изъ этихъ металловъ появились на базарѣ житейской суеты въ большомъ количествѣ и сдѣлались достояніемъ не только высшихъ но и среднихъ классовъ. Но замѣчательно, что одновременно съ приливомъ золота и серебра въ средніе классы общества, въ высшихъ, относительно прежней любви ихъ и уваженія къ этимъ металламъ, послѣдовала значительная перемѣна: вмѣсто того чтобы продолжать наполнять свои сундуки и кладовыя а себя обвѣшивать золотомъ и серебромъ, высшіе классы стали украшать себя и свою обстановку преимущественно произведеніями искуствъ и художествъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ въ основаніи лежитъ стремленіе человѣка къ удовлетворенію чувства тщеславія; но въ позднѣйшее время такъ умножились и до такой степени сдѣлались разнообразны средства къ удовлетворенію его, что золото и серебро стали постепенно отходить на задній планъ. Совокупность этихъ обстоятельствъ много посбавила съ золота и серебра прежней цѣны имъ. Тѣмъ не менѣе однако металлы эти и въ наши времена, какъ во времена финикіянъ, продолжаютъ оставаться попрежнему мѣриломъ цѣнностей, несмотря на то что древніе финикіяне не имѣли предъ своими глазами тѣхъ разнообразныхъ цѣнностей, какими располагаютъ современные европейцы, и не знали тѣхъ орудій обмѣна ихъ, помимо золота и серебра, какія намъ извѣстны. Такое явленіе можно объяснить себѣ только привычкой и свойственнымъ людямъ консерватизмомъ, который заставляетъ человѣка протягивать свои руки даже къ тому, что давно уже изъ нихъ выскользнуло. Однажды

новоевропейцы, т. е. германцы, романы, англо-саксоны и славяне, усвоили себѣ систему золотыхъ и серебряныхъ денегъ, заимствованную ими цѣликомъ отъ древнихъ грековъ и римлянъ, имъ уже и трудно отъ нея отказаться, какъ отъ всякой другой исторической привычки, не смотря на то, что еще въ средніе вѣка торговля изобрѣла новое орудіе обмѣна цѣнностей, которое неизмѣримо дешевле золота и серебра и въ то же время, при извѣстныхъ условіяхъ, служитъ не менѣе золота и серебра удобнымъ орудіемъ обмѣна.

Въ основаніи торговли, и вообще въ основаніи всей той внѣшней дѣятельности человѣка, которая устремлена на удовлетвореніе матеріальныхъ его потребностей, лежитъ *обмѣнъ цѣнностей*, т. е. цѣнныхъ вещей и услугъ однѣ на другія, отъ одного лица другому. Введеніе въ употребленіе золота и серебра, какъ всеобщаго мѣрила цѣнностей, или денегъ, облегчило и упростило производство этого обмѣна. Вмѣсто неудобнаго и во многихъ случаяхъ убыточнаго для одной либо другой стороны обмѣна вещи на вещь, люди стали обмѣнивать вещь предварительно на золото либо на серебро, а потомъ уже золото или серебро обмѣнивали на вещь, которую желали пріобрѣсти за свою вещь, издѣліе либо услугу. Изобрѣтеніе это безъ всякаго сомнѣнія имѣло въ началѣ совершенно частный характеръ, безъ принятія въ немъ участія со стороны правительственной власти. Но съ теченіемъ времени не могла не обнаружиться тогда же, на первыхъ порахъ, необходимость въ опредѣленіи точной, постоянной и единообразной единицы мѣрила цѣнностей—золота и серебра. Такой единицей и была первая золотая или серебряная *монета*, вышедшая со знакомъ или штемпелемъ правительства того народа, который первый почувствовалъ въ ней необходимость и нашелъ у себя настолько ума и изобрѣтательности, чтобы удовлетворить этой потребности. Только правительство народа, дѣйствующее именемъ и отъ лица его, могло сдѣлать обязательнымъ для всѣхъ и каждаго такое изобрѣтеніе частнаго лица, которое содержитъ въ себѣ общую для всѣхъ выгоду. Исторія всѣхъ европейскихъ народовъ застаетъ каждый изъ нихъ уже съ монетами, выходящими отъ лица правительственной власти и составляющими регалію государей. Въ историческихъ памятникахъ древ-

ней Россіи хотя и сохранились свѣдѣнія объ оригинальныхъ русскихъ деньгахъ, собственнаго изобрѣтенія, въ родѣ куньихъ шкуръ, и просто отрѣзковъ кожи, кусковъ серебра, — но достовѣрно извѣстно также и то, что въ древней Россіи у насъ обращались внутри государства готовыя иностранныя золотыя и серебряныя монеты — въ началѣ греческія и восточно-болгарскія, а впослѣдствіи времени — ближайшихъ къ намъ государствъ западной Европы.

Съ теченіемъ времени разныя историческія обстоятельства, въ родѣ отсутствія въ Европѣ, въ средніе вѣка, безопасности въ пути и расширенія международныхъ торговыхъ сношеній, подвинули умъ человѣческій сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ въ усовершенствованіи способовъ обмѣна цѣнностей, и натолкнули венеціанцевъ и генуэзцевъ, игравшихъ въ средневѣковой торговлѣ такую же роль, какую въ древніе времена играли финикіяне а въ наше время играютъ англичане, ввести въ употребленіе при торговыхъ сдѣлкахъ и оборотахъ *кредитъ и векселя.* При строгомъ анализѣ торговыхъ сдѣлокъ и оборотовъ, оказалось, что дѣятельнымъ, весьма удобнымъ и въ тоже время легкимъ посредникомъ въ торговлѣ можетъ быть вмѣсто золотыхъ и серебряныхъ денегъ, до которыхъ падки разные рыцари и обыкновенные разбойники, простое довѣріе одного коммерсанта другому, облеченное въ письменную форму,— такъ какъ въ концѣ концовъ и внутренніе и внѣшніе торговые обороты вѣртятся на обмѣнѣ цѣнностей, непосредственно служащихъ на удовлетвореніе человѣческихъ потребностей. Венеціанскій, напримѣръ, купецъ ведетъ торговлю въ Лондонѣ и продаетъ англійскому купцу шелкъ, англійскій купецъ ведетъ торговлю въ Москвѣ и продаетъ русскому купцу стальныя издѣлія своей страны,— а русскій купецъ ведетъ торговлю въ Венеціи и продаетъ тамъ пшеницу. Каждый изъ нихъ можетъ получить отъ другаго за свой товаръ золотомъ или серебромъ, которое и долженъ будетъ отдать: англійскій купецъ венеціанскому за шелкъ, русскій англійскому за стальныя издѣлія, а венеціанскій русскому за пшеницу. Въ концѣ концовъ выходитъ, что между этими тремя купцами состоялся въ сущности только обмѣнъ товаровъ: англійскій купецъ промѣнялъ стальныя издѣлія на шелкъ, русскій купецъ промѣнялъ пшеницу на стальныя издѣлія, а венеціанскій промѣнялъ шелкъ на пшеницу. Переходившее же приэтомъ изъ рукъ въ руки золото или серебро остается въ результатѣ въ рукахъ у каждаго изъ трехъ купцовъ, какъ было при началѣ торговли, ежели допустить равенство въ цѣнности ихъ товаровъ. Выходитъ, что тотъ же самый процессъ обмѣна названныхъ цѣностей могъ произойти и безъ посредства золота или серебра, при одномъ довѣріи названныхъ трехъ купцовъ, венеціанскаго, англійскаго и русскаго, другъ другу въ томъ, что венеціанскій, напримѣръ, купецъ, уступая свой шелкъ англійскому, пріобрѣтетъ чрезъ посредство этого послѣдняго пшеницу отъ русскаго купца,— а русскій, уступая свою пшеницу венеціанскому, пріобрѣтетъ чрезъ его посредство стальныя издѣлія отъ англійскаго купца, который въ свою очередь, уступая стальныя издѣлія своей страны русскому, пріобрѣтетъ чрезъ посредство этого послѣдняго шелкъ отъ венеціанскаго купца. Внѣшней формой и нагляднымъ доказательствомъ этого взаимно - выгоднаго коммерческаго довѣрія, называемаго кредитомъ, и служатъ *векселя.* Въ нашемъ примѣрѣ каждый изъ трехъ названныхъ купцовъ удобно можетъ расплатиться за пріобрѣтенный имъ отъ другаго товаръ своимъ или, еще проще, переводнымъ векселемъ, не прибѣгая къ посредству золота или серебра. Векселя эти будутъ въ полномъ смыслѣ слова товарные, такъ какъ они выражаютъ собою, въ отвлеченной формѣ, цѣнности товаровъ, полученныхъ каждымъ изъ трехъ купцовъ, одинъ отъ другаго, съ обязанностію каждаго изъ нихъ, въ отношеніи остальныхъ, сдѣлать за товаръ уплату въ будущёмъ,— каковую уплату и производятъ они другъ другу въ нашемъ примѣрѣ товаромъ. Сами же по себѣ выданные ими одинъ другому векселя, ежели будутъ написаны не на золотѣ и серебрѣ, и тому подобн. драгоцѣнностяхъ, а на клочкѣ бумаги, какъ это обыкновенно дѣлалось и дѣлается, не имѣютъ ровно никакой цѣны. Векселя такимъ образомъ являются *представителями* существующихъ цѣнностей, дающими своему владѣльцу (векселедержателю) извѣстныя права, но сами не составляютъ цѣнности,— иначе каждая вещь, всякій товаръ, на который выданъ вексель, имѣлъ бы двойную цѣну — одну въ вещи, другую въ векселѣ: тогда какъ одна и таже вещь можетъ имѣть разныя цѣны по отношенію къ пространству и времени и къ другимъ вещамъ, но не по отно-

шенію къ себѣ самой. Являясь представителями цѣнностей, принадлежащихъ лицу, выдавшему вексель либо тому, на которое вексель выданъ (когда онъ переводный), векселя даютъ пріобрѣтателю ихъ только извѣстныя имущественныя *права* но не самое имущество. Въ этомъ именно и заключается какъ существенное отличіе векселя отъ звонкой монеты, на которую онъ пишется, такъ и особенность того нововведенія, которое вошло въ сферу торговыхъ оборотовъ и отношеній съ появленіемъ векселей. Вмѣсто уплаты за товаръ, напримѣръ 10,000 руб. серебромъ или золотомъ, купецъ выдаетъ въ этой суммѣ продавцу на себя либо на другое лицо, находящееся съ ними въ торговыхъ отношеніяхъ, вексель, по которому продавецъ и имѣетъ право получить показанную въ векселѣ сумму, какъ отъ самого векселедателя либо того лица, на которое вексель выданъ и которымъ онъ принятъ, такъ и отъ всякаго другаго лица, которое пожелаетъ пріобрѣсти тотъ вексель отъ векселедержателя. Но обыкновенно бываетъ такъ, что лицо, выдавшее на себя вексель, успѣваетъ, до наступленія срока платежа по оному, пріобрѣсти на такую же сумму векселя тѣхъ лицъ, въ руки которыхъ перешелъ его вексель, и расчетъ оканчивается лишь обмѣномъ векселей, съ незначительными доплатами въ процентахъ, рѣже въ капиталѣ. Совершается этотъ кругооборотъ, такъ сказать, самъ собою, вслѣдствіе того что векселя, подобно денежнымъ знакамъ, являются въ торговлѣ тѣми же орудіями обмѣна цѣнностей, какъ золото и серебро, бывшія прежде, до введенія векселей въ употребленіе, единственными орудіями обмѣна. Разница между этими орудіями та, что при употребленіи въ торговлѣ золота и серебра, какъ монетъ, металлы эти должны были безпрестанно переходить изъ рукъ въ руки, и продавецъ товара въ самый моментъ сдѣлки пріобрѣталъ отъ покупателя не право на полученіе въ будущемъ стоимости своего товара, а самую эту стоимость — въ видѣ золотыхъ или серебряныхъ монетъ. Но это золото и серебро вновь уходило у него изъ рукъ, какъ только изъ продавца онъ дѣлался покупателемъ нужнаго ему товара,— такъ что въ окончательномъ результатѣ для коммерсанта совершенно безразлично, какъ онъ пріобрѣлъ желаемый имъ товаръ — прямо ли въ обмѣнъ на свой собственный товаръ

или же чрезъ предварительный обмѣнъ своего товара на золотыя и серебряныя деньги, либо наконецъ на векселя. Для коммерсанта важнѣе тотъ изъ этихъ способовъ, который во 1-хъ удобнѣе и во 2-хъ прибыльнѣе. Самый неудобный способъ — это непосредственный обмѣнъ товара на товаръ,— такъ какъ, напримѣръ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ для меня всего сподручнѣе производить торговлю моимъ товаромъ, можетъ не оказаться нужнаго мнѣ самому товара. Самымъ прибыльнымъ является способъ торговли, производимый при посредствѣ векселей, потому что за время обожданія въ платежѣ идутъ проценты, и за товаръ платится въ такомъ случаѣ дороже, вслѣдствіе риска, которому до извѣстной степени подвергаетъ себя продавецъ товара, отпускающій его въ кредитъ. Но кромѣ этихъ общеизвѣстныхъ выгодъ отъ производства торговли при посредствѣ векселей, есть еще и другія, не менѣе важныя выгоды, состоящія въ томъ, что при производствѣ оборотовъ на десятки и сотни тысячъ, золотыя и серебряныя деньги по своему вѣсу и объему являются неудобоносимыми, равно неудобными для пересылокъ и передачъ черезъ третьи руки, въ которыхъ онѣ легко могутъ остаться, не достигнувъ по назначенію.

Изъ изложеннаго видно, что еще до начала новой исторіи, въ концѣ среднихъ вѣковъ, въ торговлѣ изобрѣтено было новое орудіе обмѣна цѣнностей — векселя и кредитъ, состоящее въ томъ, что товары, прежде чѣмъ поступить въ обмѣнъ на другіе, перестали обмѣниваться предварительно на цѣнности, заключающіяся въ золотѣ и серебрѣ, и стали обмѣниваться на представителей этихъ цѣнностей, выдаваемыхъ частными лицами въ формѣ векселей, которые, не составляя сами по себѣ цѣнностей, даютъ право на полученіе ихъ отъ всякаго лица, принимающаго участіе въ извѣстномъ торговомъ кругу. Съ конца прошлаго столѣтія (въ Россіи съ 1768 г.) и правители народовъ, введшихъ у себя въ употребленіе это изобрѣтеніе, начали пользоваться имъ для государственныхъ цѣлей и выгодъ, и стали выпускать у себя государственные кредитные билеты, или такъ называемыя *бумажныя деньги.*

Истинное значеніе бумажныхъ денегъ составляетъ и до настоящаго времени предметъ спора въ ученой литературѣ. Но прак-

тика и въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, опередила науку и успѣла дать бумажнымъ деньгамъ весьма опредѣленное значеніе, которое мы и поставили себѣ задачей выяснить въ настоящей статьѣ. Хотя форма государственныхъ кредитныхъ билетовъ и заимствована, какъ мы сказали, отъ формы векселей, но разница между ними и векселями, по разности цѣлей, преслѣдуемыхъ государствомъ и отдѣльными его членами, ведущими торговлю, и средствъ того и другихъ, весьма большая и весьма важная. Государственные кредитные билеты принято считать не за деньги, не за денежные знаки, а за акты займа денегъ правительствомъ у своихъ подданныхъ. На этомъ основаніи у насъ, напримѣръ, при общемъ счетѣ государственнаго долга, принято помѣщать въ этотъ счетъ и количество выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ, безъ всякаго различія даже того обстоятельства, обращаются ли эти билеты внутри государства или же они находятся въ обращеніи за предѣлами его, заграницей. — Но не только государственные кредитные билеты, даже векселя въ сущности неправильно приравниваются къ актамъ займа, напримѣръ заемнымъ письмамъ. Дѣло въ томъ, что если бы векселя, какъ утверждаютъ нѣкоторые наши отечественные и иностранные юристы, были равнозначущи заемнымъ письмамъ, тогда введеніе векселей въ употребленіе не произвело бы того переворота въ торговлѣ, какой оно на самомъ дѣлѣ сдѣлало и не составляло бы никакого изобрѣтенія, такъ какъ всяческое значеніе заемнаго обязательства до тонкости предусмотрѣно и опредѣлено еще въ римскомъ правѣ, которому въ то же время ничего неизвѣстно ни о векселяхъ, ни о кредитѣ, въ современномъ ихъ значеніи. Вексель прежде всего выдается, или по крайней мѣрѣ всегда выдавался, до введенія у насъ въ Россіи злоупотребленій вексельнымъ правомъ, только по поводу полученія товара а не денегъ, составляющихъ предметъ сдѣлки, называемой займомъ. Далѣе: назначеніе векселя служить вмѣсто денегъ посредствующимъ орудіемъ обмѣна товара на товаръ, что и составляетъ конечный результатъ торговли. Означаемая на векселѣ денежная сумма показываетъ только денежную стоимость полученнаго векселедателемъ товара, которую онъ обязывается заплатить векселедержателю въ такомъ лишь случаѣ, если бы до истеченія срока,

назначеннаго въ векселѣ, вексель ни къ кому не поступилъ въ обмѣнъ на товаръ же и не возвратился бы въ срокъ къ векселедателю въ обмѣнъ на его собственный товаръ либо на поступившіе къ нему векселя лицъ, имѣющихъ право требовать отъ него уплаты по его векселю. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, при правильномъ ходѣ торговли, совершающейся при посредствѣ векселей, денежныхъ платежей по векселямъ не приходится дѣлать, за исключеніемъ незначительныхъ доплатъ по курсу, по процентамъ и рѣдко по капиталу, а всѣ расчеты по векселямъ обыкновенно оканчиваются обмѣномъ ихъ одни на другіе и возвращеніемъ ихъ къ первоначальнымъ векселедателямъ. Вещественный же оборотъ совершается въ товарахъ а не въ деньгахъ, и векселя только способствуютъ этому обороту. Ничего подобнаго акты займа — заемныя письма и т. под., въ себѣ не содержатъ: ежели онѣ и переходятъ по передаточнымъ надписямъ изъ рукъ въ руки, то не иначе какъ по именнымъ, и переходъ этотъ не имѣетъ другаго значенія кромѣ передачи однимъ лицомъ другому своихъ правъ на полученіе съ третьяго лица — должника — значащейся въ обязательствѣ денежной суммы. Никакого, ни товарнаго ни даже денежнаго оборота тутъ нѣтъ, потому что предметъ сдѣлки — деньги продолжаютъ оставаться, такъ сказать, въ неподвижномъ состояніи у должника, до наступленія срока платежа по его заемному обязательству, а можетъ переходить изъ рукъ въ руки одно лишь право на полученіе съ него этихъ денегъ по наступленіи срока.— Ежели нельзя поэтому даже векселя строго приравнивать къ заемнымъ обязательствамъ, то уже по одной аналогичности съ ними государственныхъ кредитныхъ билетовъ нельзя эти послѣдніе считать чѣмъ-то въ родѣ актовъ займа, сдѣланнаго правительствомъ у своихъ подданныхъ. Причины, которыми обусловливается современный взглядъ нашъ на государственные кредитные билеты, какъ на долговыя обязательства правительства, чисто случайныя и объясняются тѣми историческими обстоятельствами, которыми сопровождался выпускъ у насъ въ обращеніе кредитныхъ билетовъ.

Съ того времени, именно съ конца прошлаго столѣтія, какъ вошли въ употребленіе такъ называемыя бумажныя деньги, прежній единообразный строй обращенія звонкой монеты нарушился: на-

ряду съ золотомъ и серебромъ и на одинаковыхъ съ ними правахъ стали фигурировать бумажки, которымъ правительственною властію присвоено внутри государства денежное обращеніе. Разница между бумажными и металлическими деньгами не замедлила обнаружиться: она слишкомъ проста и очевидна, чтобы оставаться долго незамѣченною. Золото и серебро, помимо своего денежнаго значенія, какъ орудій обмѣна цѣнностей, суть въ тоже время и сами по себѣ цѣнности — и притомъ однѣ изъ высокихъ; бумажныя же деньги, безъ наименованія ихъ денежными знаками, сами по себѣ никакой цѣнности не имѣютъ, а служатъ только представителями цѣнности золота и серебра, находящагося въ распоряженіи правительства, дающими владѣльцу ихъ право на полученіе изъ государственнаго казначейства этого золота и серебра, когда онъ того пожелаетъ. Если бы въ государственномъ казначействѣ постоянно находилось неподвижно такое именно количество золота и серебра, на какое выпущено въ обращеніе кредитныхъ билетовъ, тогда о паденіи и повышеніи курса на бумажныя деньги, т. е. о большей или меньшей стоимости ихъ сравнительно съ звонкою монетою, никогда не могло бы быть и рѣчи. Но такой неподвижности золота въ государственномъ банкѣ прежде всего препятствуетъ обязанность его производить предъявителямъ кредитныхъ билетовъ размѣнъ ихъ на золото и серебро. Ежели невозможно допустить на практикѣ, то возможно допустить въ теоріи, что подданные, предпочитая имѣть дѣло лучше съ металлическими чѣмъ съ бумажными деньгами, въ одинъ прекрасный день всѣ пожелаютъ воспользоваться правомъ размѣна бумажныхъ денегъ на металлическія, и тогда государственное казначейство волей не волей было бы вынуждено замѣнить всѣ бумажныя деньги звонкой монетой. Но въ такомъ случаѣ не для чего было бы и пускать въ обращеніе бумажныя деньги вмѣсто звонкой монеты. На самомъ дѣлѣ выпускъ бумажныхъ денегъ потому имѣлъ мѣсто, что въ распоряженіи правительства (въ первый разъ при Екатеринѣ II) не оказалось столько золота и серебра, сколько нужно было для денежныхъ знаковъ, требовавшихся въ государствѣ, и таковыя пришлось впервые сдѣлать изъ бумаги, воспользовавшись для этого существовшей въ торговлѣ формой векселей. Но разъ

бумажныя деньги сдѣлались, хотя бы и далеко не во всемъ своемъ количествѣ, только номинальными представителями золота и серебра, неизбѣжнымъ явился такъ называемый биржевой курсъ, т. е. большая или меньшая въ данное время цѣна на бумажныя деньги сравнительно съ звонкою монетой. Съ теченіемъ времени количество бумажныхъ денегъ постоянно увеличивалось, а количество золота и серебра, представителями котораго бумажныя деньги служили, постоянно уменьшалось. Между тѣмъ, исполняя свое назначеніе, бумажный рубль обязывался ходить въ одинаковой цѣнѣ съ серебрянымъ. Такая роль стала ему наконецъ не по силамъ, и онъ сталъ сначала копѣйками а затѣмъ и гривенниками ходить ниже рубля серебрянаго. Золото и серебро имѣютъ, ежели хотите, свой капризъ: какъ только начинаютъ ихъ унижать, перестаютъ воздавать имъ рабское поклоненіе, онѣ тотчасъ же уходятъ самымъ незамѣтнымъ, самымъ нечувствительнымъ, но въ тоже время и самымъ неудержимымъ образомъ туда, гдѣ ихъ высоко цѣнятъ. Внутри государства, при существованіи рядомъ съ золотыми и серебряными бумажныхъ денегъ, оказывается болѣе выгоднымъ обращать первыя изъ нихъ въ издѣлія, идущія главнымъ образомъ на украшенія. Никакіе запретительные законы, никакія наказанія не въ состояніи, какъ показалъ у насъ многолѣтній опытъ, воспрепятствовать такому превращенію золотыхъ и серебряныхъ монетъ въ издѣлія — по одной той уже причинѣ, что услѣдить за этимъ нѣтъ никакой физической возможности, если бы даже каждый полицейскій городовой былъ семи пядей во лбу. Извнѣ государства, заграницей, почти вездѣ въ употребленіи звонкая монета, которая требуется и отъ пріѣзжающихъ туда русскихъ; кредитные же билеты наши, какъ и у насъ заграничные, обращаются только по банкирскимъ конторамъ и меняльнымъ столамъ, въ таможняхъ и столичныхъ городахъ. При промѣнѣ ихъ въ этихъ мѣстахъ на иностранную монету, не избѣжны потери, не говоря уже о курсѣ, на одномъ этомъ промѣнѣ. А потому, во избѣжаніе такихъ потерь, отправляющіеся заграницу русскіе запасаются внутри государства золотомъ и серебромъ, которое и вывозятъ заграницу. Внѣшняя торговля наша во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда ввозъ къ намъ заграничныхъ товаровъ превышаетъ нашъ вывозъ, покрываетъ эту

разницу, какъ извѣстно, весьма большую, также звонкою монетою, т. е. золотомъ либо серебромъ. Наконецъ, разница въ курсѣ на звонкую монету и бумажныя деньги создала цѣлый классъ промышленниковъ и биржевыхъ спекулянтовъ, спеціально занимающихся торговлей денежными знаками какъ товаромъ, оказывающейся весьма выгодною. Основаніемъ этой торговли и этой прибыли служитъ постоянная разница во внутреннемъ и внѣшнемъ курсахъ на бумажныя деньги, сравнительно съ звонкою монетою, которую оказывается вслѣдствіе этого возможнымъ пріобрѣтать внутри государства за меньшее количество кредитныхъ билетовъ и сбывать заграницей за большее ихъ количество. Этимъ путемъ не меньше, ежели еще не больше, чѣмъ путемъ нашей заграничной торговли, возвращаются къ намъ обратно изъ заграницы наши бумажныя деньги и препровождаются туда наше золото и серебро. Таковы роковыя, безусловно неизбѣжныя послѣдствія одновременнаго обращенія внутри государства бумажныхъ денегъ *наряду* съ звонкою монетою: все золото и серебро, сколько бы его ни пускалось въ оборотъ ежегодно, внутри государства будетъ обращаться въ издѣлія, а извнѣ — остальное его количество уйдетъ за границу. Такова сама природа вещей, — а извѣстно, что „гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно“.

Обстоятельство это, свидѣтельствующее о постоянномъ стремленіи отъ насъ золота и серебра заграницу, между прочимъ доказываетъ, и притомъ самымъ краснорѣчивымъ образомъ, что мы, русскіе, не особенные любители и цѣнители этихъ металловъ, ежели такъ легко съ ними разстаемся, предпочитая имѣть у себя однѣ бумажныя деньги. Но оно же, съ другой стороны, указываетъ намъ истинное назначеніе золота и серебра, золотыхъ и серебряныхъ денегъ: внутри государства металлы эти, какъ цѣнный товаръ, идутъ на удовлетвореніе чувства человѣческаго тщеславія и обращаются въ издѣлія, служащія наружнымъ украшеніемъ; извнѣ государства, заграницей, они служатъ удобнымъ и общепринятымъ орудіемъ обмѣна всякихъ цѣнностей, пріобрѣтаемыхъ нами оттуда. Отсюда сама собою рождается мысль: не лучше ли, не проще ли было бы и цѣлесообразнѣе *прямо и назначить все находящееся въ нашемъ распоряженіи золото и серебро*

служить именно этой, а не иной какой цѣли, т. е. чтобы золото и серебро обращались внутри государства только какъ товаръ, безъ присвоенія имъ правительствомъ имени и свойства денегъ, а извнѣ, заграницей, металлы эти служили бы намъ орудіями обмѣна, были бы нашей покупательной силой во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда ввозъ къ намъ заграничныхъ товаровъ будетъ превышать нашъ вывозъ? Но тогда, могутъ сказать, что же станется съ нашими кредитными билетами, какую цѣнность они будутъ представлять собою и какой смыслъ и значеніе будутъ имѣть напечатанныя на каждомъ изъ нихъ слова изъ Высочайшаго Манифеста о безостановочномъ, во всякое время, размѣнѣ ихъ на звонкую монету изъ предназначеннаго фонда, ежели весь этотъ фондъ будетъ уходить заграницу, либо продаваться на рынкѣ въ качествѣ товара? Не забѣгая впередъ, мы однако теперь же отвѣтимъ, что право предъявлять бумажныя деньги къ размѣну на звонкую монету, не означаетъ собою права требовать отъ правительства уплаты долга,—такъ какъ въ основаніи *размѣна* бумажныхъ денегъ на металлическія, какъ показываетъ самая этимологія этого слова, лежитъ *обмѣнъ* одной вещи на другую, одного денежнаго знака на другой. Но обмѣнъ служитъ основаніемъ и торговли, а потому и размѣнъ бумажныхъ денегъ на металлическія носитъ на себѣ характеръ покупки подданнымъ у государства золота и серебра на кредитные билеты или иначе бумажныя деньги. Сдѣлка же купли — продажи, какъ договоръ, предполагаетъ взаимное согласіе сторонъ на предметъ этой сдѣлки. А потому въ тѣхъ случаяхъ, когда общая государственная польза требуетъ, чтобы имѣющееся налицо золото и серебро находились въ распоряженіи правительства, частныя лица по всей справедливости могутъ не получить удовлетворенія въ своемъ желаніи имѣть вмѣсто бумажныхъ денегъ золотыя и серебряныя. Этимъ объясняется, почему правительство отъ времени до времени прекращаетъ въ государственномъ банкѣ размѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету. Но этимъ же доказываются и всѣ неудобства существующей денежной системы, поддерживающей въ массѣ населенія неправильное убѣжденіе о значеніи бумажныхъ денегъ, какъ долговыхъ обязательствъ правительства.

Мы, русскіе, безспорно не настолько богаты въ настоящее время золотомъ и серебромъ, чтобы имѣть изъ нихъ, и только изъ нихъ, этихъ благородныхъ и дорогихъ металловъ, то количество звонкой монеты, на какую выпущено нашимъ правительствомъ кредитныхъ и иныхъ наименованій билетовъ. Слѣдовательно наши бумажныя деньги въ дѣйствительности не представляютъ и представлять не могутъ того количества золота и серебра, на которое онѣ выпущены. Но чего нѣтъ и быть не можетъ въ дѣйствительности, такъ зачѣмъ же ему существовать и на бумагѣ? Если бы въ самомъ дѣлѣ на золотѣ и серебрѣ свѣтъ клиномъ сошелся,— тогда дѣло было бы другое. Но, къ счастію человѣчества и насъ русскихъ въ особенности, золото и серебро сами по себѣ не служатъ къ удовлетворенію никакихъ человѣческихъ потребностей, за исключеніемъ чувства тщеславія. Ежели золото и серебро сдѣлались мѣриломъ всѣхъ остальныхъ цѣнностей, то это одна изъ тѣхъ историческихъ случайностей, которыя создаетъ и пересоздаетъ человѣческая воля по своему усмотрѣнію, сообразно съ духомъ своего времени и своихъ обстоятельствъ. Этого мѣрила цѣнностей, изобрѣтеннаго, по преданію, финикіянами, цивилизованные народы держатся и до сихъ поръ, но только какъ мѣрила, какъ условнаго знака, — ибо большее или меньшее количество золота и серебра, находящееся въ данное время въ распоряженіи даннаго народа, отнюдь не служитъ доказательствомъ большей или меньшей силы, большаго или меньшаго могущества того народа. Народъ и государство могутъ не имѣть въ своемъ распоряженіи ни одного золотника золота и серебра, и быть счастливѣе, сильнѣе и могущественнѣе другаго, у котораго дворцы построены изъ чистаго серебра и полы подѣланы изъ чистаго золота, вся одежда унизана брилліантами. Вспомнимъ, для примѣра, хотя бы времена русскихъ князей Олега, Святослава, Владиміра: Русь того времени была богата всѣмъ чѣмъ угодно — хлѣбомъ, медомъ, силой и доблестями своихъ обитателей, но только не золотомъ и серебромъ, отъ которыхъ въ тѣ же времена ломились палаты греческихъ императоровъ въ Константинополѣ. Но достаточно было появиться горсти русскихъ удальцовъ, подъ предводительствомъ своего излюбленнаго князя, предъ вратами Константинополя,— и эти врата покорно предъ ними растворялись, и князю съ его дружиной отсыпалось золота и серебра столько сколько имъ было нужно, сколько только они могли съ собою забрать. „Съ золотомъ и серебромъ, говорилъ классическій нашъ воевода Добрыня князю своему Владиміру, мы мечей не добудемъ, а съ мечами мы добудемъ и золота и серебра“. Почему же и мы, прямые, хотя къ сожалѣнію уже изнѣженные потомки русскихъ богатырей, не можемъ сказать хотя бы такъ: были бы мы, да было бы у насъ что покупать и продавать, а золота и серебра мы себѣ добудемъ,— а и того будетъ лучше, когда и безъ нихъ умѣть будемъ обходиться!.. Мы уже видѣли выше, что въ торговлѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, орудіемъ мѣны могутъ служить и дѣйствительно служатъ, даже съ большими удобствами, кредитъ и внѣшніе выразители его—векселя. Отсюда мы вправѣ заключить, что золото и серебро не суть такія, единственныя въ своемъ родѣ орудія мѣны, которыхъ нигдѣ и никогда ничѣмъ другимъ нельзя было бы замѣнить. Напротивъ того, орудіемъ мѣны, въ смыслѣ денегъ, можетъ быть, при извѣстныхъ условіяхъ, всякая другая цѣнность,— подобно тому какъ между нѣкоторыми племенами внутренней Африки роль денегъ играютъ напримѣръ бусы, т. е. дутое стекло. Все дѣло зависитъ тутъ отъ условія и привычки. Денежные знаки, какіе бы они ни были—золотые, серебряные, мѣдные или бумажные, даютъ только *право* владѣльцу ихъ на полученіе отъ другихъ цѣнностей, нужныхъ намъ для удовлетворенія нашихъ потребностей. Ежели такое право можетъ дать мнѣ не только обладаемый мною кусокъ золота или серебра, но равнымъ образомъ и кусокъ желѣза, кусокъ матеріи, клочекъ бумаги,— то для меня, стремящагося къ пріобрѣтенію нужныхъ мнѣ цѣнностей, совершенно безразлично то обстоятельство, будутъ ли эти цѣнности отпущены мнѣ за кусокъ золота, серебра, желѣза, матеріи, или наконецъ за клочекъ бумаги: лишь бы только я имѣлъ возможность пріобрѣсти ихъ за то, другое, третье, четвертое или пятое.

Сходство государственнаго кредитнаго билета съ векселемъ въ томъ именно и состоитъ, что оба они являются не сами по себѣ цѣнностями, какъ золото и серебро, а только *представителями* цѣнностей. Но подобно тому какъ вексель не непремѣнно служитъ представителемъ именно той цѣнности, какая въ серебряныхъ руб-

ляхъ или золотыхъ фунтахъ стерлингахъ показана въ немъ, а товара,— то подобно сему и кредитные билеты служатъ представителями не непремѣнно золота и серебра въ томъ ихъ количествѣ, какое показано въ билетѣ, а обезпечиваются *всѣмъ достояніемъ государства*, какъ объ этомъ можно прочесть на оборотной сторонѣ русскихъ кредитныхъ билетовъ. Далѣе, какъ вексель такъ и кредитный билетъ имѣютъ своимъ единственнымъ назначеніемъ служить удобнымъ орудіемъ обмѣна цѣнностей, поступающихъ на удовлетвореніе человѣческихъ потребностей. Платежъ денегъ по векселю является не болѣе какъ исключеніемъ изъ общаго правила, наступающимъ для векселедателя въ тѣхъ только случаяхъ, когда его кредиту перестаютъ довѣрять тѣ изъ торговцевъ, между которыми долженъ былъ обращаться его вексель и которые, во избѣжаніе риска и потерь, не дожидаясь пока вексель этотъ совершитъ свой, назначенный ему кругъ, требуютъ по немъ уплаты, не считая его болѣе удобнымъ орудіемъ обмѣна цѣнностей. Потому-то всѣ векселя и пишутся обыкновенно на короткій срокъ, такъ какъ при тѣхъ случайностяхъ, которымъ подвержена торговля, нельзя поручиться надолго за прочность кредита и состоятельность лица, которое выдало на себя вексель, или на которое онъ выданъ. Въ этомъ отношеніи, именно въ отношеніи сроковъ, прочности кредита и состоятельности, государственные кредитные билеты существенно разнятся отъ векселей, какъ разнится само частное лицо, его кредитъ и состоятельность отъ государства, отъ государственнаго кредита и государственной состоятельности. Въ то время какъ у частнаго лица все носитъ на себѣ печать временности и скоротечности, государство предполагается вѣчнымъ, его матеріальное достояніе неизсякаемымъ и его кредитъ до безконечности прочнымъ. А потому и кредитные билеты его не могутъ имѣть опредѣленнаго срока, количество ихъ опредѣляется не большею или меньшею состоятельностію государства къ платежу по нимъ цѣнностей, а внутренними его нуждами и потребностями. Этимъ же самъ собою разрѣшается и вопросъ о томъ, составляютъ ли государственные кредитные билеты нѣчто въ родѣ актовъ займа, по которымъ рано или поздно правительству придется выплатить своимъ подданнымъ взятыя у нихъ подъ эти обязательства денежныя суммы.

Вопросъ этотъ разрѣшается уже тѣмъ простымъ юридическимъ положеніемъ, что никто не можетъ быть въ долгу самъ у себя, никто не можетъ состоять самъ себѣ должнымъ извѣстную сумму денегъ. Правительство и подданные, народъ и государство, составляютъ одно нераздѣльное цѣлое. Государство можетъ быть въ долгу только передъ другимъ государствомъ, передъ чужимъ ему народомъ, но не передъ своими собственными подданными. Послѣднее заблужденіе, о возможности долга правительства подданнымъ, произошло, съ одной стороны, отъ неправильнаго смѣшенія понятій о заемномъ обязательствѣ и векселѣ, а съ другой стороны — отъ противоположенія государства народу, правительства подданнымъ,— что составляетъ ложное, и въ настоящее время осужденное наукой, ученіе нѣкоторыхъ политическихъ писателей, преимущественно XVII и начала XVIII столѣтій. Никакихъ противоположныхъ между правительствомъ и подданными интересовъ, какъ политическихъ такъ и экономическихъ, не можетъ быть; а ежели таковыя отъ времени до времени и случаются въ дѣйствительности, то всегда бываютъ кратковременны и составляютъ политическую аномалію а не естественный порядокъ вещей. На аномаліяхъ же, на исключеніяхъ и уклоненіяхъ отъ естественнаго порядка вещей, общее правило не можетъ быть построено, и подобныя явленія такъ и остаются въ исторіи какъ аномаліи и исключенія. Заемъ прежде всего есть результатъ договора двухъ равноправныхъ сторонъ, имѣетъ своею конечною цѣлью полученіе кредиторомъ съ должника отданныхъ послѣднему денегъ изъ его имущества, а своимъ обезпеченіемъ — понудительную судебную власть. Ни одно изъ этихъ существенныхъ условій займа не примѣнимо къ государству и его кредитнымъ билетамъ,— такъ какъ между правительствомъ государства и тѣми изъ его подданныхъ, которые имѣютъ въ своихъ рукахъ кредитные билеты, ни равноправія, ни договора никакого не существуетъ; имущества такого, которымъ правительство должно было бы расплачиваться съ своими подданными, также нѣтъ въ его распоряженіи, ибо даже такъ называемыя государственныя имущества, каковы: рѣки, моря, дороги, зданія, и т. под., состоятъ въ общемъ пользованіи всѣхъ подданныхъ, или же служатъ на удовлетвореніе разныхъ обще-

ственныхъ нуждъ и потребностей. Что касается понудительнаго судебнаго взысканія, то о немъ не можетъ быть и рѣчи. Слѣдовательно между кредитными билетами и заемными обязательствами нѣтъ ничего общаго. Это еще болѣе очевиднымъ становится, ежели мы примемъ во вниманіе, что кредиторъ, отдавшій свои деньги взаймы другому лицу, сохраняетъ за собою только право на обратное полученіе ихъ въ будущемъ, но самъ уже не имѣетъ возможности распорядиться тѣми деньгами, не можетъ напримѣръ купить за нихъ себѣ хлѣба, одежды и проч., развѣ до срока полученія денегъ продастъ кому-либо заемное обязательство должника, т. е. передастъ свои права на него третьему лицу,—но тогда это послѣднее вступаетъ въ положеніе своего предшественника. Между тѣмъ имѣющіе въ своемъ распоряженіи кредитные билеты пользуются ими въ свою выгоду точно такъ же, какъ если бы вмѣсто этихъ билетовъ у нихъ въ рукахъ находились золотыя и серебряныя деньги. Слѣдовательно самое большое, что въ подобномъ случаѣ подданные могли бы потребовать отъ своего правительства, такъ это развѣ доплаты за потери, понесенныя на курсѣ бумажныхъ денегъ, послѣ замѣны ими собою въ обращеніи золотыхъ и серебряныхъ,—и только. Но существованіе курса, какъ мы уже видѣли, возможно до тѣхъ только поръ, пока бумажныя деньги находятся въ обращеніи одновременно и на одинаковыхъ правахъ съ золотыми и серебряными. Значитъ съ окончательнымъ устраненіемъ изъ обращенія звонкой монеты, по крайней мѣрѣ золотой и серебряной, какъ болѣе цѣнной, устранится и то, что въ настоящее время мы называемъ биржевымъ курсомъ на бумажныя деньги. Но совсѣмъ иное значеніе имѣетъ заграничный биржевой курсъ на наши кредитные билеты, которые являются тамъ со всѣми аттрибутами и послѣдствіями долговыхъ обязательствъ, выданныхъ однимъ государствомъ другому, какъ двухъ равноправныхъ сторонъ. Въ долгу предъ подданными другаго государства мы всегда можемъ быть и дѣйствительно состоимъ въ настоящее время на весьма значительныя суммы. А потому, при опредѣленіи истиннаго значенія бумажныхъ денегъ, первымъ условіемъ является необходимость отличать значеніе ихъ внутри государства отъ того, какое онѣ имѣютъ за предѣлами онаго.

Бумажныя деньги, являясь, какъ показалъ полустолѣтній опытъ въ Россіи, такими же удобными орудіями обмѣна цѣнностей, какъ золото и серебро, имѣютъ даже свои преимущества предъ этими послѣдними, сходныя съ тѣми, какія представляютъ векселя въ торговлѣ. Изготовленіе этого рода денежныхъ знаковъ дешево стоитъ государству, которое поэтому избавляется отъ необходимости употреблять на созданіе ихъ большія средства изъ народнаго богатства, когда есть возможность обходиться и достигать той же цѣли съ незначительными средствами. Бумажныя деньги несравненно удобнѣе звонкой монеты при переноскѣ и пересылкѣ, и въ случаѣ гибели отъ пожара либо отъ потопленія въ водѣ, не причиняютъ государству вреда и убытковъ. Но главное и, можно сказать, неоцѣненное достоинство ихъ заключается въ томъ, что онѣ удобно могутъ быть *представителями всякаго рода цѣнностей*, какія только существуютъ въ данное время въ данномъ государствѣ, и слѣдовательно доступны для каждаго, самаго даже незначительнаго въ экономическомъ отношеніи государства и народа. Бумажныя деньги даютъ возможность государствамъ, у которыхъ даже нѣтъ ни одного золотника серебра и золота, совершенно свободно обходиться безъ этихъ металловъ, коль скоро у нихъ есть какое-либо другое имущество,—что само собою предполагается. Что же касается такого государства какъ Россія, которая обладаетъ сотнями тысячъ географическихъ миль земли, цѣны и спросъ на которую всегда были, есть и будутъ, пока существуетъ родъ человѣческій на *землѣ*,—которая располагаетъ въ необъятномъ количествѣ желѣзными и мѣдными рудниками, являющимися въ своемъ практическомъ примѣненіи драгоцѣннѣе золота и серебра, многочисленными лѣсами, водами и т. под., многочисленнымъ, дѣятельнымъ и трудолюбивымъ населеніемъ,—то такое государство смѣло можетъ не имѣть у себя золота и серебра, хотя Россія и то и другое имѣетъ, и притомъ въ значительномъ количествѣ, и все таки быть ежели не самымъ могущественнымъ, то однимъ изъ могущественнѣйшихъ государствъ свѣта. И для такого-то государства какъ Россія бумажныя деньги являются истиннымъ благодѣяніемъ,—такъ какъ, служа представителями принадлежащихъ ей необъятныхъ цѣнностей, онѣ могутъ быть выпускаемы правительствомъ въ количествѣ, какое

только понадобится для внутренняго обращенія. Въ томъ именно и заключается *великость* изобрѣтенія векселей а за ними и бумажныхъ денегъ, что они доказали міру возможность быть орудіями обмѣна не цѣнностямъ, какъ это прежде было, по отношенію къ золоту и серебру, а только представителямъ оныхъ, дающимъ въ руки владѣльца ихъ не самое имущество, не цѣнность, а право на полученіе того или другой.

Если бы бумажныя деньги имѣли своимъ назначеніемъ обращаться только внутри того государства, которому онѣ принадлежать, тогда вопросъ о значеніи ихъ не представлялъ бы особыхъ затрудненій для своего разрѣшенія и почти весь исчерпывался бы приведенными нами общими соображеніями. Такъ какъ кредитные билеты обезпечиваются всѣмъ достояніемъ государства, въ которомъ они обращаются и отъ имени котораго выпущены, то пока количество ихъ не превышаетъ стоимости всего достоянія государства, до тѣхъ поръ могла бы быть рѣчь только о пользѣ или вредѣ большаго или меньшаго количества пущенныхъ въ обращеніе кредитныхъ билетовъ, но никакъ не рѣчь о такъ называемой реализаціи ихъ. Кредитные билеты реализуются внутри государства, какъ только безпрепятственно становятся орудіями обмѣна цѣнностей, начинаютъ переходить изъ рукъ въ руки въ качествѣ покупательной силы или, что тоже, денегъ. Никакой другой *реализаціи* внутри государства, въ родѣ размѣна ихъ на золото и серебро, нѣтъ и быть не должно. Чтобы убѣдиться въ этомъ, такъ сказать наглядно, достаточно принять во вниманіе слѣдующія соображенія и обстоятельства: внутри государства, въ торговомъ и вообще въ гражданскомъ быту, направленномъ на удовлетвореніе человѣческихъ потребностей, обращаются, обмѣниваются одна на другую и вообще совершаютъ такъ называемый гражданскій оборотъ *цѣнности* всѣхъ видовъ и наименованій, со включеніемъ сюда и личнаго труда человѣка, но не деньги, которыя только помогаютъ этому обороту, какъ орудія мѣны и условныя единицы цѣнъ,— сами же денежные знаки въ обмѣнъ одни на другіе не идутъ, коль скоро они однородные, напримѣръ исключительно бумажные либо золотые, такъ какъ никакая вещь сама на себя не обмѣнивается. Подъ именемъ реализаціи бумажныхъ денегъ принято разумѣть

размѣнъ ихъ на звонкую монету,— но это совершенная ошибка. Въ настоящее напримѣръ время, переживаемое нами съ читателемъ, всѣмъ и каждому извѣстно, что въ государственномъ банкѣ нѣтъ и десятой доли того количества золота и серебра, на которое обращается внутри государства кредитныхъ билетовъ: по послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ, въ банкѣ находится налицо золота, въ слиткахъ и монетахъ, не болѣе какъ на 15 мил. руб. серебромъ. И однакожъ никто, за исключеніемъ лицъ, ведущихъ заграничную торговлю либо уѣзжающихъ заграницу, да нѣсколькихъ спекулянтовъ, не обращается и не думаетъ обращаться въ государственное казначейство съ требованіемъ размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету. Происходитъ это именно оттого, что сами по себѣ деньги не служатъ къ удволетворенію никакихъ человѣческихъ потребностей и что пока кредитные билеты не утратили своего денежнаго значенія, пока они служатъ удобнымъ орудіемъ обмѣна цѣнностей, до тѣхъ поръ никому нѣтъ надобности имѣть вмѣсто бумажныхъ непремѣнно золотыя или серебряныя деньги. Предъявленіе кредитныхъ билетовъ къ размѣну на звонкую монету и потому наконецъ невозможно, что операція эта, будь она произведена одновременно, пріостановила бы на пространствѣ всего государства всѣ обыкновенныя хозяйственныя и экономическія отправленія. Кредитные билеты обезпечиваются внутри государства всѣмъ достояніемъ его, и слѣдовательно ни въ какомъ другомъ обезпеченіи не нуждаются, такъ какъ лучше того обезпеченія, какое представляетъ достояніе государства, въ цѣломъ мірѣ ничего не найдется для подданнаго нашего отечества, и въ сравненіи съ нимъ не только тѣ милліоны золота, на которые указываетъ государственный банкъ, но даже въ десять и во сто разъ большіе могутъ имѣть только относительное значеніе, именно только какъ указанія на такой матеріалъ съ помощію котораго мы можемъ удобно производить нашу заграничную торговлю и расчитываться съ нашими иностранными кредиторами.

Въ основаніи внѣшней торговли, какъ и внутренней, лежитъ общее имъ начало—обмѣнъ цѣнностей, сбытъ и полученіе товаровъ. Но бумажныя деньги, или кредитные билеты одного государства могутъ играть роль орудій обмѣна въ другомъ государствѣ не безусловно, какъ

у себя дома, внутри собственнаго государства, а только условно. Безусловнымъ же орудіемъ обмѣна въ международной торговлѣ—тамъ, гдѣ не имѣютъ мѣста векселя, является только звонкая монета, именно золотая или серебряная, либо просто золото и серебро въ слиткахъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда ввозъ къ намъ заграничныхъ товаровъ уравновѣшивается нашимъ вывозомъ, въ золотѣ и серебрѣ, какъ орудіяхъ обмѣна, можетъ и не быть никакой надобности, такъ какъ въ этомъ случаѣ обмѣнъ цѣнностей удобно можетъ производиться чрезъ векселя, при посредствѣ банкирскихъ конторъ, и на кредитные билеты, которые въ такомъ случаѣ обратно будутъ къ намъ возвращаться въ обмѣнъ на наши товары въ томъ количествѣ, въ какомъ уйдутъ заграницу, при покупкѣ нами оттуда товаровъ. Въ крайнемъ случаѣ, когда векселя и кредитные билеты наши не имѣли бы почему либо хода заграницей, достаточно было бы однажды запасти золота и серебра въ мѣстахъ производства нашей заграничной торговли въ такомъ количествѣ, сколько нужно ихъ для этой цѣли,—такъ какъ, покупая заграничные товары только на золото и серебро, мы въ свою очередь продавали бы и наши собственные товары за эти же металлы. Но, къ сожалѣнію, до послѣдняго времени ввозъ къ намъ заграничныхъ товаровъ постоянно превышалъ нашъ вывозъ, и эту разницу намъ приходилось неизбѣжно выплачивать нашимъ золотомъ и серебромъ, которое, сверхъ того, должно постоянно уходитъ отъ насъ и на погашеніе нашихъ внѣшнихъ займовъ. Правда, пріобрѣтаемые нами заграницей товары пріобрѣтаются частью и на наши кредитные билеты, но это только временная отсрочка платежа за нихъ золотомъ и серебромъ, такъ какъ рано или поздно, но наши кредитные билеты неизбѣжно должны вернуться къ намъ домой, а предварительно этого возвращенія они должны обмѣняться на золото и серебро, такъ высоко уважаемое нашими заграничными сосѣдями. Если бы ежегодное пріобрѣтеніе Россіею на своихъ рудникахъ и чрезъ внѣшнюю торговлю этихъ металловъ, было даже и не менѣе того количества, какое ежегодно необходимо ей для погашенія внѣшнихъ займовъ и разности въ привозѣ къ намъ товаровъ надъ вывозомъ,—то и въ такомъ случаѣ оказалось бы ихъ недостаточнымъ, такъ какъ весьма большое количество нашей звонкой монеты и вообще золота и серебра уходитъ отъ насъ въ настоящее время заграницу совершенно непроизводительно, чрезъ переводъ туда этихъ металловъ разными спекулянтами и барышниками, которымъ помогаетъ это дѣлать разница въ курсѣ на звонкую монету внутри государства и заграницей. Наконецъ на десятки милліоновъ рублей ежегодно вывозится отъ насъ заграницу золотой и серебряной монеты нашими путешественниками. Оттого что многіе изъ нихъ везутъ съ собою туда не золото и серебро а кредитные билеты, которые уже тамъ промѣниваются на звонкую монету, государству нисколько не легче, такъ какъ большой наплывъ заграницей нашихъ кредитныхъ билетовъ понижаетъ ихъ курсъ, т. е. уменьшаетъ ихъ стоимость и рано или поздно обязываетъ государство къ выкупу ихъ оттуда золотомъ и серебромъ, либо къ обмѣну на вывозимые отъ насъ товары. — Что касается уплаты внѣшнихъ займовъ, доплатъ по превышенію заграничнаго ввоза къ намъ товаровъ надъ нашимъ вывозомъ и наконецъ расходовъ нашихъ путешественниковъ, производимыхъ золотомъ и серебромъ,—то ихъ возможно только регулировать наиболѣе выгоднымъ для государства образомъ, но обойти нельзя. Относительно же биржевыхъ и всякихъ иныхъ спекулянтовъ и промышленниковъ звонкою монетою, какъ товаромъ, нельзя принять никакихъ регулирующихъ мѣръ: тутъ необходимы болѣе рѣшительныя мѣры. Оказывается такимъ образомъ, что во внѣшней торговлѣ и вообще во внѣшнихъ нашихъ сношеніяхъ съ другими государствами, мы не можемъ обойтись безъ золота и серебра, которое и будетъ уходить отъ насъ туда безвозвратно до тѣхъ поръ, пока ввозъ къ намъ заграничныхъ товаровъ будетъ превышать нашъ вывозъ, пока будутъ оставаться непогашенными наши внѣшніе займы и пока для спекулянтовъ и охотниковъ легкой наживы будетъ существовать возможность сбывать звонкую монету заграницу совершенно непроизводительнымъ для страны образомъ. А потому, для удовлетворенія нашихъ заграничныхъ потребностей, ежели онѣ такого свойства что не могутъ быть оставлены безъ удовлетворенія, каковы напримѣръ платежи по внѣшнимъ займамъ, мы должны сосредоточить въ опредѣленныхъ пограничныхъ пунктахъ либо въ государственномъ банкѣ столько золота и серебра, сколько налицо его у насъ окажется—

не только въ монетахъ, но даже въ вещахъ и издѣліяхъ, какъ пять лѣтъ тому назадъ поступили французы, при уплатѣ Германіи золотой контрибуціи, чтобы такимъ образомъ честно и аккуратно очистить всѣ наши обязательные платежи заграницей. Не подлежитъ сомнѣнію, что подданные русскаго государства обладаютъ въ настоящее время у себя дома такимъ количествомъ золота и серебра — въ вещахъ и издѣліяхъ, что его болѣе чѣмъ достаточно на полное погашеніе нашихъ внѣшнихъ займовъ и на покупку такихъ товаровъ заграницей, которыхъ мы у себя не имѣемъ и безъ которыхъ обойтись не можемъ. Ежели этихъ жертвъ, въ существѣ своемъ не особенно важныхъ и далеко не тяжкихъ, потребуетъ отъ насъ нашъ патріотизмъ, то люди, доказавшіе передъ цѣлымъ свѣтомъ готовность и способность жертвовать своею жизнію за то, что они считаютъ своей святыней либо своимъ долгомъ, безъ сомнѣнія не затруднятся, въ случаѣ надобности, положить на алтарь отечества то золото и серебро, какимъ каждый изъ нихъ обладаетъ. Но чтобы эта жертва была, такъ сказать, угодною Богу, необходимо напередъ очистить нашу заграничную торговлю, требующую отъ насъ въ видѣ доплатъ такъ много золота и серебра, отъ всякаго балласта, не стоющаго иногда и мѣднаго гроша а между тѣмъ оплачиваемаго нами золотомъ и серебромъ. При внимательномъ разсмотрѣніи этого дѣла, быть можетъ окажется, что вмѣсто приношеній на пользу отечества золота и серебра, намъ придется только отказаться отъ нѣкоторыхъ своихъ дурныхъ привычекъ, эксплуатируемыхъ въ свою пользу иностранцами путемъ торговли съ нами. Не перечисляя всѣхъ видовъ ввозимыхъ къ намъ изъ заграницы товаровъ, мы только напомнимъ читателю тотъ общеизвѣстный фактъ, что большинство ихъ имѣются у насъ и дома — своего собственнаго издѣлія и что товары эти, за весьма немногими исключеніями, выпадающими главнымъ образомъ на долю военнаго министерства, не суть предметы необходимости. А потому, въ видахъ общей государственной пользы и экономіи, необходимо было бы ограничить, ежели не навсегда, то по крайней мѣрѣ временно, ввозъ къ намъ изъ заграницы, какъ такихъ предметовъ, которые мы у себя дома имѣемъ или можемъ имѣть, такъ и такихъ, которые не составляютъ необходимости и во многихъ слу-

чаяхъ являются чѣмъ-то въ родѣ тѣхъ стеклярусовъ и бусовъ, на которые современные западно-европейцы и американцы вымѣниваютъ у обитателей внутренней Африки слоновую кость, золото и т. под. драгоцѣнности. Этимъ прямымъ и простымъ путемъ мы быстро достигли бы не только равновѣсія но и превышенія нашего вывоза надъ ввозомъ къ намъ заграничныхъ товаровъ, такъ какъ вывозимые отъ насъ товары почти исключительно предметы необходимости, а ввозимые къ намъ въ большинствѣ случаевъ предметы роскоши; тогда мы вызвали бы и обратный притокъ къ намъ ушедшаго отъ насъ заграницу золота и серебра. Многочисленныя заграничныя путествія нашихъ соотечественниковъ, какъ ни желательно не имѣть въ этомъ случаѣ никакого стѣсненія, также могли бы быть сокращены до извѣстной степени и въ извѣстной мѣрѣ, потому что въ большинствѣ случаевъ, всѣ эти путешествія, по удостовѣренію очевидцевъ, ни къ чему другому не ведутъ кромѣ широкаго мотовства заграницей русскихъ денегъ. Что касается наконецъ промысла, основаннаго на торговлѣ денежными знаками и имѣющаго своею цѣлью сбытъ изъ Россіи заграницу звонкой монеты, — то онъ самъ собою сдѣлался бы невозможнымъ, какъ только внутри государства не стало бы обращаться другихъ денежныхъ знаковъ, кромѣ бумажныхъ кредитныхъ билетовъ, и золото и серебро, наравнѣ съ прочими товарами, стали бы въ разрядъ обыкновенныхъ цѣнностей.

Всѣ эти данныя и обстоятельства показываютъ намъ, что между денежными знаками или орудіями обмѣна цѣнностей, употребляемыми для внутренней и тѣми, которые употребляются для внѣшней торговли, существуетъ большая разница. Внутри государства свободно и удобно могутъ обращаться такіе денежные знаки, которые не имѣютъ сами по себѣ цѣнности а служатъ только представителями цѣнностей, принадлежащихъ государству, и даютъ владѣльцу этихъ знаковъ въ руки не самую цѣнность, а одно лишь право на полученіе ея отъ всякаго другаго кромѣ себя самого. Такимъ именно свойствомъ и обладаютъ наши государственные кредитные билеты. Самое же это свойство, будучи результатомъ внутренняго кредита государства, объясняется существующею между подданными его солидарностію и всеобщею ихъ другъ за дру-

га, каждаго за всѣхъ и всѣхъ за каждаго, отвѣтственностію. Тогда какъ существующія международныя отношенія людей такого свойства не имѣютъ; напротивъ того, отношенія эти всегда имѣли характеръ враждобности и взаимнаго недовѣрія одного народа къ другому. Живые примѣры тому у каждаго предъ глазами въ настоящее время. Вотъ почему и международныя торговыя сношенія и обороты не могутъ имѣть своимъ посредникомъ, въ качествѣ орудія обмѣна цѣнностей, кредитъ съ его внѣшними выразителями — въ родѣ нашихъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ. А потому волей неволей приходится прибѣгать во внѣшней торговлѣ къ такому орудію обмѣна, какъ золото и серебро, которое само по себѣ содержитъ цѣнность и служитъ кромѣ того общепризнаннымъ мѣриломъ всѣхъ прочихъ цѣнностей. Въ сущности это означаетъ, что внѣшняя торговля совершается прямымъ обмѣномъ цѣнности на цѣнность, т. е. товара на золото или серебро. Иностранцы въ этихъ случаяхъ вымѣниваютъ у насъ на свои издѣлія наше золото и серебро — точно такимъ же способомъ, какъ это дѣлается ими съ полудикими обитателями Африки, Америки и т. д. Внутри же государства граждане различаются между собою въ имущественномъ отношеніи по количеству обладаемыхъ каждымъ изъ нихъ или принадлежащихъ каждому изъ нихъ *правъ* на цѣнности. Богатъ тотъ, кто имѣетъ больше такихъ правъ, бѣденъ тотъ, кто имѣетъ ихъ меньше. Деньги являются не болѣе какъ орудіями распредѣленія этихъ правъ между отдѣльными лицами. А потому и большее или меньшее количество обращающихся внутри государства денежныхъ знаковъ отнюдь не свидѣтельствуетъ о большемъ или меньшемъ богатствѣ, о большей или меньшей бѣдности его, ибо богатство и бѣдность зависятъ отъ наличнаго количества цѣнностей, годныхъ на удовлетвореніе человѣческихъ потребностей, а не отъ количества орудій обмѣна и распредѣленія ихъ.

Такъ какъ бумажныя деньги сами въ себѣ не имѣютъ цѣнности а даютъ только права на полученіе ея, — то что же должно или можетъ быть мѣриломъ той цѣнности, которую онѣ будутъ представлять, ежели во внутреннемъ обращеніи государства должны находиться только бумажные денежные знаки, обезпеченные всѣмъ достояніемъ государства, съ полнымъ исключеніемъ изъ обраще-

нія золотой и серебряной монеты? Если бы избраніе такого а не иного мѣрила цѣнностей, или единицы цѣнъ, зависѣло не отъ воли человѣческой, если бы золото и серебро даны были человѣку самой природой, какъ единственное мѣрило цѣнностей, подобно тому какъ даны ему готовыми единицы времени — день и годъ, — тогда золото и серебро дѣйствительно были бы ничѣмъ другимъ незамѣнимыми единицами цѣны, единственными въ своемъ родѣ мѣрилами цѣнностей. Но нумизматика, наука о монетахъ, знаетъ, помимо золотыхъ и серебряныхъ монетъ, весьма много видовъ и изъ другихъ металловъ, напримѣръ изъ мѣди, ихъ бронзы и желѣза. Возможно въ теоріи, да такъ бывало, а по мѣстамъ и продолжаетъ быть въ живой дѣйствительности, что извѣстный народъ, на всемъ пространствѣ своей территоріи, вовсе не имѣетъ въ своемъ распоряженіи золота и серебра, какъ это доказываетъ намъ между прочимъ древній періодъ русской исторіи, — и однакожъ люди имѣли у себя денежные знаки, которые служили имъ орудіями обмѣна и мѣрилами всѣхъ прочихъ цѣнностей. Мѣдь и желѣзо, напримѣръ, первыя удовлетворяютъ въ этомъ случаѣ всѣмъ тѣмъ требованіямъ, какимъ удовлетворяютъ золото и серебро, въ качествѣ денежныхъ знаковъ. Мѣдь и желѣзо, по своему значенію въ человѣческой культурѣ, имѣютъ, можно сказать, даже безконечно большую цѣнность, какъ предметы, ничѣмъ другимъ незамѣнимые въ природѣ и постоянно необходимые въ быту какъ цивилизованнаго человѣка такъ и дикаря, — чего далеко нельзя сказать о золотѣ и серебрѣ. Когда въ торговлѣ орудіемъ обмѣна служили только цѣнности, когда всякій товаръ, прежде чѣмъ обмѣняться на другой обмѣнивался предварительно на одну опредѣленную цѣнность, именно на золото и серебро, — тогда эти послѣднія металлы естественно могли быть признаваемы болѣе другихъ удобными орудіями обмѣна, такъ какъ, сравнительно напримѣръ съ мѣдью и желѣзомъ, совмѣщали въ маломъ объемѣ высокую цѣнность, слѣдовательно являлись болѣе удобными при счетѣ, при переноскѣ, перевозкѣ и пересылкѣ. Но когда, со введеніемъ въ торговлѣ векселей а затѣмъ и государственныхъ кредитныхъ билетовъ, сдѣлалось возможнымъ употреблять орудіями обмѣна не самыя цѣнности а только представителей ихъ, то-

гда это, бывшее прежде драгоцѣннымъ, качество золота и серебра—совмѣщать въ маломъ объемѣ высокую цѣнность — утратило первоначальное свое значенie, ибо оказалось, что вексель и кредитный билетъ съ несравненно большими удобствами совмѣщаютъ въ себѣ то же качество, такъ какъ могутъ быть написаны на какую угодно сумму и служить представителями какой угодно цѣнности. Ежели поэтому нашъ кредитный рублевый билетъ, соотвѣтствующій въ настоящее время $4^{7}/_{32}$ золотникамъ серебра, вмѣсто того сталъ бы соотвѣтствовать $^{1}/_{15}$ пуда мѣди либо $^{1}/_{3}$ пуда желѣза, считая по существующимъ цѣнамъ на мѣдь 15 руб. за пудъ, а на желѣзо 3 руб. за пудъ, то отъ такой перемѣны никакого замѣшательства въ торговлѣ и вообще въ денежномъ обращеніи кредитныхъ билетовъ произойти не можетъ: перемѣнилась бы только одна форма счета. Въ настоящее время мы привыкли вести денежный счетъ на золотники серебра, давно уже отвыкши вести его на золото, а тогда вели бы его на пуды мѣди либо желѣза,—и такъ же легко и свободно могли бы привыкнуть и къ этому новому счету, какъ привыкли ѣздить въ вагонахъ по желѣзнымъ дорогамъ, не зная прежде, въ теченіи столѣтій и тысячалѣтій, иной ѣзды по землѣ какъ на лошадяхъ. А между тѣмъ отъ этой перемѣны послѣдовали бы, можно сказать, неисчислимыя выгоды для общества и государства. Наши кредитные билеты, являясь представителями не золота и серебра, котораго у насъ нѣтъ либо слишкомъ мало и которое притомъ должно постоянно уходить отъ насъ заграницу, а мѣди и желѣза, стали бы представлять собою не воображаемыя а дѣйствительныя цѣнности, естественный запасъ которыхъ имѣется у насъ на многіе десятки лѣтъ — и на такую притомъ сумму, которая въ состояніи обезпечить все находящееся въ обращеніи внутри государства количество кредитныхъ билетовъ. Каждое государство, какъ свидѣтельствуютъ исторія и современная дѣйствительность, можетъ имѣть и дѣйствительно имѣетъ у себя, для внутренняго обращенія, какіе угодно и какіе ему удобнѣе денежные знаки, лишь бы только они признавались за таковые его подданными, подобно тому какъ почти каждое государство имѣетъ у себя свои отдѣльныя мѣры, вѣсъ и т. под. У насъ въ Россіи вотъ уже много лѣтъ какъ въ обращеніи преобладаютъ бумажныя и мѣдныя деньги, и никакихъ затрудненій, никакихъ замѣшательствъ отъ этого внутри государства не замѣчается; единственное зло, которое мы терпѣливо переносимъ, это биржевой курсъ, ведущій въ все большему и большему упадку цѣнъ на кредитные билеты. Но причина этого явленія уже объяснена нами выше: она состоитъ въ томъ, что у насъ, во 1-хъ, наряду съ бумажными деньгами продолжаютъ обращаться, хотя сравнительно въ незначительномъ количествѣ, и металлическія — изъ золота и серебра, т. е. дѣйствуетъ *двойственная* система денежныхъ знаковъ: прежняя, доекатерининская—металлическая, и позднѣйшая—кредито-бумажная, изъ которыхъ первая, какъ болѣе дорогая, подрываетъ постоянно довѣріе ко второй, какъ болѣе дешевой и въ то же время равноправной съ первою; и во 2-хъ состоитъ въ томъ, что наши бумажныя деньги служатъ представителями золота и серебра, котораго въ дѣйствительности далеко нѣтъ въ такомъ количествѣ, какое онѣ собою представляютъ. Въ основаніи существующей денежной системы лежитъ такимъ образомъ ложное начало: наряду съ золотыми и серебряными денежными знаками не могутъ обращаться, въ одинаковой съ ними силѣ и цѣнѣ, и бумажные—потому уже, что бумага не золото и серебро, а золото и серебро не бумага. Искуственность, натянутость и неестественность отношеній тутъ очевидны,—и золото и серебро бѣгутъ отъ насъ туда, гдѣ ихъ такъ не унижаютъ и цѣнятъ по собственному ихъ достоинству. Отсюда и происходитъ то, что въ обращеніи остаются у насъ одни бумажные денежные знаки, какъ сироты, покинутыя своими родителями.

Въ основаніи мѣрила цѣнностей, какъ всякой другой мѣры, какъ мѣры времени, протяженія и тяжести, должно лежать *единообразіе*, однообразная система. А потому мѣриломъ цѣнностей можетъ быть что-либо одно: или золото, или серебро, или мѣдь, или желѣзо, или кредитъ, обезпеченный всѣмъ достояніемъ государства,—подобно тому какъ служатъ, напримѣръ, мѣриломъ времени—день и части его или множество, мѣриломъ длины—сажень съ своими частями и множествомъ, мѣриломъ вѣса—пудъ и т. под. Но разнообразныя цѣнности въ одно и то же время не могутъ служить мѣриломъ всѣхъ прочихъ цѣнностей, такъ какъ притомъ онѣ должны измѣрять еще одна другую, другъ друга. Отсюда проистекаетъ естественное замѣшательство

въ измѣреніи ими всѣхъ прочихъ цѣнностей, которыя, напримѣръ, къ золоту могутъ находиться въ одномъ отношеніи, къ серебру въ другомъ, къ мѣди въ третьемъ, къ государственному кредиту въ четвертомъ, и т. д. А потому только *единообразная денежная система, или звонкая монета, или бумажныя деньги, есть единственно правильная* и можетъ избавить насъ отъ разъѣдающихъ современное общество биржевыхъ курсовъ и всяческихъ денежныхъ спекуляцій. Коль скоро мы не имѣемъ у себя такого количества золота и серебра, чтобы имѣть изъ того или другаго металла, подобно Англіи, все необходимое намъ количество денежныхъ знаковъ, мы должны отказаться отъ этой роскоши на все то время, пока она намъ недоступна, и имѣть у себя денежные знаки изъ такого матеріала, который намъ доступнѣе и сподручнѣе,— именно, изъ котораго сдѣланы наши кредитные билеты.

Самымъ лучшимъ и такъ сказать идеальнымъ мѣриломъ цѣнностей была бы *математическая* мѣра, устроенная на подобіе той, какая изобрѣтена въ первой половинѣ настоящаго столѣтія во Франціи для измѣренія разстояній и протяженій. Французы, какъ извѣстно, избрали для себя единицей длины одну десятимилліонную часть четверти меридіана земнаго шара, называемую метромъ. Точно такъ же, если бы всѣ богатства, всѣ цѣнности земнаго шара, могли быть приведены въ такую математическую извѣстность, въ какую приведена длина меридіана, идеально вѣрной единицей мѣрила этихъ цѣнностей удобно могла бы быть принята опредѣленная часть ихъ; это была бы всемірная единица мѣрила цѣнностей, которыя всѣ относились бы къ ней какъ цѣлое къ своей части. Тоже самое, но только съ большею легкостью, могло бы быть сдѣлано и по отношенію къ отдѣльному государству. Тогда истиннымъ мѣриломъ всѣхъ принадлежащихъ ему цѣнностей служила бы одна какая либо опредѣленная часть ихъ, напримѣръ $\frac{1}{100.000,000,000}$ всего достоянія государства, ежели мы его раздѣлимъ примѣрно на 100.000,000,000 равныхъ частей. Нашъ кредитный рубль, если бы онъ представлялъ собою эту $\frac{1}{100.000,000,000}$ часть, могъ бы тогда служить, какъ это впрочемъ онъ исполняетъ и въ на-

стоящее время, самой удобной и въ то же время идеально вѣрной единицей мѣрила всѣхъ цѣнностей, какія только въ государствѣ находятся. Владѣющій однимъ милліономъ такихъ денежныхъ знаковъ, имѣлъ бы тогда право на одну стотысячную часть всего достоянія государства. Когда денежные знаки, какъ наши кредитные билеты, обезпечиваются ничѣмъ другимъ какъ всѣмъ достояніемъ государства,— то рублевый кредитный билетъ такъ относится къ истинной своей цѣнности, какъ все количество бумажныхъ нашихъ денегъ относится ко всему достоянію государства. Изъ этой пропорціи оказывается, что нашъ рублевый кредитный билетъ стоитъ много выше той стоимости, какую въ настоящее время ему придаютъ на биржѣ и на рынкѣ. Ежели мы возьмемъ въ расчетъ даже не то количество кредитныхъ билетовъ, какое ихъ выпущено, всего на сумму около 800.000,000 серебряныхъ рублей, а втрое большее, 2.400,000,000 рублей,— такъ какъ тогда сюда войдутъ и всѣ другія обязательства, какія только выданы на себя нашимъ правительствомъ внутри государства и заграницей,— и раздѣлимъ все достояніе нашего государства на 100.000,000,000 равныхъ частей, то, согласно сказанной пропорціи, мы найдемъ, что каждый нашъ рублевый кредитный билетъ обезпечивается количествомъ $41^2/_3$ этихъ частей. А чтобы одну сто тысячъ милліонную часть всего достоянія государства перевести на существующія деньги, для этого мы предположимъ, что все современное достояніе Россіи можетъ быть оцѣнено только въ 100.000,000,000 серебряныхъ рублей. Оцѣнка болѣе чѣмъ низкая, ежели взять во вниманіе, что по одному пространству своихъ земель Россія занимаетъ по губерніямъ—въ Европѣ, со включеніемъ царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, 4.753,909 квадр. верстъ и въ Азіи, считая Кавказъ, Сибирь и Среднюю Азію, 14.284,171 квадр. вер., итого 19.038,080 квадр. вер. или около 2.000,000,000 десятинъ. Если бы средняя цѣна за десятину была 50 рублей, тогда 100.000,000,000 серебряныхъ рублей получились бы отъ одной земли, которою обладаетъ Россія. Но ежели среднія цѣны на землю и ниже 50 руб. на десятину, зато вѣдь на пространствѣ Россіи находится движимости, стоющей не менѣе самаго пространства, а потому выставленная нами цифра 100.000,000,000 серебряныхъ

рублей смѣло можетъ быть принята за minimum того, во что можетъ быть оцѣнено современное достояніе Россіи.

Слѣдовательно русскій рублевый кредитный билетъ, обезпечиваясь всѣмъ достояніемъ государства, обезпечивается въ настоящее время по крайней мѣрѣ въ сорокъ одинъ разъ болѣе того, чѣмъ сколько нужно для него этого обезпеченія. Ежели допустить даже невозможное, что всѣ наши кредитные билеты ушли отъ насъ заграницу, откуда намъ нужно ихъ выкупать, то и въ такомъ случаѣ, при сдѣланномъ нами, крайне для себя убыточномъ расчетѣ, мы имѣли бы на себѣ долгу иностраннымъ государствамъ не болѣе какъ на одну сороковую часть нашего достоянія. Приравнивая же обстоятельства, которыми сопровождается финансовый кризисъ дѣятельнаго частнаго лица, къ государственнымъ, мы можемъ, на основаніи приведеннаго расчета, сказать, что о финансовомъ кризисѣ въ Россіи могла бы серьезно зайти рѣчь тогда только, если бы Россія, сверхъ выпущеннаго уже количества кредитныхъ билетовъ и всякихъ иныхъ наименованій долговыхъ обязательствъ, выпустила бы ихъ вновь въ количествѣ въ 40 разъ превышающемъ выпущенное и если бы всѣ эти обязательства перешли отъ насъ заграницу къ нашимъ сосѣдямъ. Но пока этого нѣтъ и никогда быть не можетъ, чтобы Россія нуждалась въ выпускѣ кредитныхъ билетовъ на сумму въ 40 разъ превышающую уже выпущенное ихъ количество и чтобы всѣ эти денежные знаки, по мѣрѣ выпуска ихъ, уходили отъ насъ заграницу,—пока съ каждымъ годомъ возрастающая внутренняя производительность Россіи даетъ намъ все болѣе и болѣе возможности обходиться безъ заграничныхъ товаровъ и увеличивать, напротивъ того, вывозъ заграницу нашихъ собственныхъ,—пока поступающее ежегодно въ распоряженіе правительства количество драгоцѣнныхъ металловъ не менѣе того, сколько ихъ нужно для періодическаго погашенія нашихъ внѣшнихъ займовъ и доплатъ по ввозу къ намъ заграничныхъ товаровъ, до тѣхъ поръ выпускъ правительствомъ на нѣсколько сотъ милліоновъ новыхъ кредитныхъ билетовъ не можетъ, ни поколебать серьезно нашего кредита заграницей, ни произвести замѣшательства внутри государства — въ торговомъ и экономическомъ быту его.

Обращающіеся заграницей наши кредитные билеты и другія обязательства безспорно подлежатъ рано или поздно выкупу золотомъ и серебромъ либо товарами. Но обращающіеся внутри государства въ подобномъ выкупѣ не нуждаются, такъ какъ здѣсь они играютъ роль не долговыхъ обязательствъ а денежныхъ знаковъ, т. е. орудій обмѣна и распредѣленія между отдѣльными лицами цѣнностей. Поэтому всякій новый выпускъ кредитныхъ билетовъ во внутреннее обращеніе является въ сущности ничѣмъ инымъ какъ *косвеннымъ налогомъ* на самыя деньги, которыя въ обыкновенное время никакого налога на себѣ не несутъ и даже инымъ какимъ способомъ и не могутъ ему подвергаться,—такъ какъ, съ выпускомъ въ обращеніе новыхъ кредитныхъ билетовъ, владѣльцы прежнихъ вынуждаются платить за все дороже, т. е. каждую вещь, товаръ, услугу, на которыя въ минуты, подобныя настоящей, усиливается спросъ, они должны оплачивать большимъ количествомъ денежныхъ знаковъ: за что прежде платился рубль, придется теперь платить полтора, либо два, либо около того. Владѣльцы же товаровъ, всякаго рода цѣнныхъ въ данное время продуктовъ и личныхъ услугъ, напротивъ того, выигрываютъ отъ выпуска въ обращеніе новаго количества денежныхъ знаковъ, ибо получаютъ за все большее ихъ число, чѣмъ сколько прежде получалось. Но въ распоряженіи правительства всегда есть могучее средство возстановить нарушенное въ этомъ случаѣ равновѣсіе частныхъ интересовъ, именно—путемъ *возвышенія прямыхъ налоговъ* на всѣ товары, произведенія и имущества, приносящія вещественный доходъ. Такъ какъ этотъ прямой налогъ будетъ получаться деньгами, то возвышеніемъ прямыхъ налоговъ всегда возможно извлечь изъ обращенія то количество денежныхъ знаковъ, кредитныхъ билетовъ напримѣръ, которое излишне было выпущено правительствомъ, вслѣдствіе экстренной государственной необходимости. Вмѣстѣ съ этимъ товары и продукты понизятся въ цѣнѣ а деньги возвысятся, такъ какъ съ уменьшеніемъ находящагося въ обращеніи количества денежныхъ знаковъ, за все придется платить ихъ меньше. Тогда въ свою очередь въ большей прибыли отъ этого окажутся владѣльцы денежныхъ капиталовъ. Такимъ образомъ, при системѣ исключительно бумажныхъ денежныхъ знаковъ, правительство всегда имѣетъ пол-

ную возможность регулировать по своему усмотрѣнію количество обращенія ихъ внутри государства, смотря по надобности и обстоятельствамъ. А между тѣмъ, въ самыхъ даже экстренныхъ случаяхъ государственной нужды, мы будемъ имѣть, при такой системѣ, полную возможность обходиться, какъ во внутреннихъ такъ и внѣшнихъ дѣлахъ, съ нашими собственными, домашними средствами.

Резюмируя сказанное нами въ нѣсколькихъ словахъ, мы находимъ: что лучшими изъ всѣхъ существующихъ денежныхъ знаковъ суть бумажныя, въ родѣ нашихъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ, такъ какъ этого рода деньги удобно могутъ быть представителями цѣнностей, составляющихъ дѣйствительное, наличное богатство государства,— что наши кредитные билеты, пока они обращаются внутри государства, отнюдь не нуждаются, ни въ поддержкѣ ихъ курса непремѣнно золотомъ и серебромъ, ни въ размѣнѣ ихъ на звонкую—золотую и серебряную монету, и что финансовый кризисъ въ Россіи, какъ неоправдываемый ни естественными громадными богатствами страны, ни современными экономическими ея условіями, не имѣетъ въ отношеніи нашего отечества, смысла даже и въ томъ случаѣ, если бы у насъ, на всемъ пространствѣ обширной территоріи, не оказалось ни одного золотника золота и серебра. А потому, для устраненія существующихъ въ настоящее время финансовыхъ затрудненій и денежныхъ неудобствъ и для предоставленія въ распоряженіе правительственной власти столько денежныхъ средствъ, сколько ихъ требуютъ современныя политическія обстоятельства, достаточно было бы: во 1-хъ, уничтожить изъ надписи, имѣющейся на каждомъ государственномъ кредитномъ билетѣ, обязательный со стороны правительства размѣнъ ихъ на звонкую монету, за исключеніемъ мѣдной; во 2-хъ, установить, чтобы денежный счетъ нашъ велся не на серебро, а на мѣдь, къ которой мы одинаково привыкли какъ и къ серебру, — хотя впрочемъ, изъ уваженія къ старымъ привычкамъ и общественнымъ предразсудкамъ, съ которыми борьба можетъ окончиться побѣдой только по истеченіи долгаго времени, временно возможно оставить въ своей силѣ и старый счетъ на серебро, котораго ежели не въ монетѣ, то въ вещахъ и издѣліяхъ весьма много въ Россіи; въ

3-хъ, все наличное золото и серебро, какое только можетъ оказаться въ распоряженіи правительства, употреблять, какъ особенно цѣнный заграничный товаръ, исключительно на погашеніе нашихъ внѣшнихъ займовъ и для употребленія въ заграничной торговлѣ; въ 4-хъ, по возможности урегулировать нашу внѣшнюю торговлю такимъ образомъ, чтобы не поступали къ намъ изъ заграницы товары, произведенія и издѣлія, которые производятся или имѣются налицо въ потребномъ количествѣ дома, внутри государства, особливо ежели они не составляютъ предметовъ необходимости, и чтобы въ концѣ концовъ вывозъ отъ насъ заграницу товаровъ превышалъ бы ввозъ ихъ къ намъ, и въ 5-хъ, для покрытія чрезвычайныхъ государственныхъ расходовъ, вмѣсто всякихъ, внутреннихъ и внѣшнихъ займовъ, увеличить уже находящееся внутри государства въ обращеніи количество кредитныхъ билетовъ новымъ выпускомъ ихъ, съ принятіемъ мѣръ противъ выхода ихъ въ значительномъ количествѣ заграницу, и одновременно съ этимъ, либо скоро впослѣдствіи, смотря по обстоятельствамъ государственной нужды, увеличить прямые налоги. Этими мѣрами мы поставили бы себя, какъ внутри такъ и извнѣ, въ полнѣйшую независимость отъ нашихъ враговъ, которыхъ у насъ такъ много и между которыми самые злые — наши заграничные кредиторы, какъ всякіе кредиторы.

Мы уже заканчивали настоящую статью, когда прочитали въ газетахъ объ открытіи, по Высочайшему повелѣнію, въ государственномъ банкѣ и его конторахъ подписки на 4-й выпускъ 5% банковыхъ билетовъ на сто милліоновъ рублей. Видя въ этомъ какъ бы подтвержденіе тѣмъ доводамъ, которые положены въ основаніе нашей статьи, мы не можемъ не выразить въ заключеніе ея желанія, чтобы и остальные наши доводы, подтвержденіе которыхъ зависитъ отъ доброй воли гражданъ, не замедлили подтвердиться утѣшительными для правительства результатами. По нашему мнѣнію, которое мы развивали и доказывали выше, гражданская заслуга и нашъ патріотизмъ недостаточно выразятся въ томъ, что мы поспѣшимъ покрыть подпиской требуемую отъ насъ, на покрытіе чрезвычайныхъ государственныхъ расходовъ, денежную сумму,— такъ какъ собственныя наши выгоды отъ этой подписки слишкомъ

очевидны: мы обмѣниваемъ въ этомъ случаѣ находящіеся уже во внутреннемъ обращеніи безпроцентные кредитные билеты на новые пятипроцентные банковые билеты, курсъ которыхъ постоянно былъ высокій и не предвидится основаній къ пониженію его въ будущемъ. Иное дѣло и большая выгода для правительства будутъ тогда, когда нашъ патріотизмъ, наша любовь къ отечеству, къ его могуществу и славѣ подскажутъ намъ взнести по подпискѣ требуемую сумму *золотомъ и серебромъ*, до котораго такъ падки наши заграничные сосѣди и безъ котораго у себя дома мы такъ же легко и свободно можемъ обойтись, какъ обходились когда-то наши славные предки временъ Олега, Святослава и Св. Владиміра, не даромъ говорившіе себѣ и намъ, ихъ потомкамъ: „съ золотомъ и серебромъ мы мечей себѣ не добудемъ, а съ мечами добудемъ и золота и серебра“....

Харьковъ.

14 Ноября 1876 года.
